

Юрий Саножников

Слабое свежение неба



**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Юрий Владимирович Сапожников

Слабое свечение неба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69600967

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказ этот посвящен событиям весны 2022 года. В основе – свидетельства участников – солдат и офицеров, армейских и сотрудников Росгвардии, а также русских добровольцев. В те дни многие верили – морок, подпитанный серьезными деньгами и ненавистью, рассеется, улетит из одурманенных славянских душ, ведь наши предки вместе это видели – Бабий Яр, стертые города, сожженные нивы, ведь так? Увы, масштабы изменений за Днепром уже стали чрезвычайны. Наша радостная надежда обернулась кровью, и мне довелось встречать тела погибших солдат на малой Родине, говорить с их сослуживцами, скорбеть вместе с их близкими. Все это было бы слишком трудно, если бы не встречи с жителями Донбасса в их разрушенных за пятилетку городах и поселках – тамошним жителям врать ни к чему, они ждали, когда Россия придет и поможет. Имена вымышлены, совпадения случайны, события переданы со слов очевидцев.

Содержание

2	43
3	63
4	89
5	101

Юрий Сапожников

Слабое свечение неба

1

Иисус же сказал им: видите ли всё это?

Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; всё будет разрушено.

Евангелие от Матфея, 24

Июньская песня стрижей утихнет только с заходом солнца. Стремительные птицы начинают свое буйство к летнему вечеру, когда вдоль подъездов с продуктовыми сумками возвращаются домой женщины, здороваясь с бабушками на лавках, минуя редких покуривающих мужиков, не дошедших еще до квартир, лениво соображающих – пойти ли прямо сейчас на пятиметровые кухни, или свернуть за угол железнодорожной столовой, да там и посидеть на пеньках в запущенном садике, глотать, дергая острыми кадыками, обжигающую "Русскую» по пять тридцать за бутылку.

Мужики были разные, но в основном – в коричневых кримпленовых брюках, иногда в рабочих синих; в рубашках с вызывающими острыми концами воротников, чистых, но изрядно застиранных, обтянутых на впалых животах. Поверх рубашек они иногда носили синие «олимпийки», а влажные теплым летним вечером небрежные кудри порой покрывали мягкие кепочки с цветочным орнаментом. Еще у

многих из них – расстегнуты рубахи, там – красная от загара ребристая грудь, из которой торчат рыжие или седые волосы. От мужиков всегда пахнет крепчайшим забродившим потом, сигаретным железом и сладковатым перегаром.

Ну, такие они, мужики, в основном. Отец Жорика другой. Трудно понять – а лучше? Например, отец Сани Сопли из первого подъезда – возит его вместе с матерью на электричке за грибами. А потом они в воскресенье сидят все вчетвером – еще с маленькой сестренкой – перед раскрытым окном в своей двухкомнатной квартире на первом этаже, едят жареные с луком грибы, на столе стоит «Жигулевское» пиво и у Саниных бати и мамы красные, потные и счастливые лица.

Это потому, что папаня Сани Сопли – сварщик. А отец Жорика – инженер. Его возит служебный «Москвич», он ходит в галстук, и не пьет дома, а тем более в садике за столовой. Те, которые в кепочках и «олимпийках», называют его Владимир Петрович. Уважают его старушки на лавках, и дома у Жорика, в трехкомнатной квартире, есть телефон. Уезжает батя на работу засветло, приходит поздно. Обязательно погладит и обнимет шестилетнего пацана, если не спит еще, пошаркает со смехом отросшей к вечеру щетиной пухлую детскую щеку, крикнет:

– Оля! Я дома, накрывай на стол.

И тогда наступает замечательный вечер. Свистят в летнем небе птицы, стучит швейная машинка бабушки, которая сегодня не зла на зятя, по телевизору показывают кино «Чапа-

ев». Это, впрочем, бывает не часто.

Обычно мама приходит домой в седьмом часу, дотаскивает продуктовые кошелки до кухни и тревожно спрашивает бабушку:

– Вова не звонил? Задержится?

– Не звонил, – ворчит саркастично бабушка, – Да, господи, жрет, поди, опять. Кобель – он и есть...

– Мама, заканчивай! – вспыхивает мать Жорика, – Что говоришь, ребенок слышит.

– А чего ж, – машет бабушка рукой, вздыхая, – Пусть и слышит, мал еще, чтоб понимать. Ну, а ты не мучайся. Сейчас явится.

Такие дни совсем не нравились Георгию. Он уходил в комнатку, где хранились его игрушки, расставлял по полкам красных плоских кавалеристов, безголовых зеленых пехотинцев-пограничников и алюминиевые танки с кривыми дулами. Когда мать загоняла спать, он глядел на темные силуэты подушек на соседней кровати и ждал тихий скрипучий звонок в дверь, веселый голос отца, дрожащий возмущенный матери, и надеялся – сегодня не будет хлопающих дверей, сдержанных непонятных, видимо, нехороших, слов и всего того, что бабушка называет – скандал.

По правде говоря, об этом думалось нечасто. Наступал день, Жорик по слогам читал книжки, бабушка пекла пироги на кухне, а толстая собака Пинча каталась по ковру, вычесывая свою желтую короткую шерстку.

Днем иногда приходила соседка – тетя Ира. Она жила в однокомнатной квартире за стенкой и пила вино. Бабушка ругала ее за это, но жалела – ведь два года назад у тети Иры умер сын. Он был уже взрослый, работал шофером и где-то подцепил грипп. А потом грипп дал осложнение на сердце, он пришел домой на обед, взял – да и умер. С тех пор тетя Ира выпивала. Она уже на пенсии, работать ей не нужно, так что иногда днем бабушка отпускала Жорика к ней в гости. В прокуренной квартире соседки пахло затхлым, там был нитяной драный диван с просвечивающим красным, крошащимся от старости поролоновым нутром, и удивительная коллекция журналов «Крокодил».

Жорик с упоением рассматривал картинки, внимательно изучая мелкие детали, и даже пытался дома по памяти их рисовать. Там были солдаты с красными носами, в касках с кривыми буквами НАТО, тычущие штыками винтовок в грудастых чернокожих теток, закованные в кандалы негры, везущие в телеге толстого человека в звездно-полосатой шляпе-цилиндре и костлявый дядька, катящий вверх в гору камень с торчащими из него ракетами и надписью «Рейганомика – новый Сизиф».

Решительно ничего в этих сюжетах понять Жорик не мог, но картинки дышали жизнью и очень ему нравились. А еще тетя Ира угощала его своими пирожными – на кусочек черного хлеба сыпала сахарный песок и поливала заваркой из чайника с отбитым носом.

Летними вечерами во дворе собиралась детская стая. Удивительное дело – детей из окрестных домов набиралось столько, что создавались целые ватаги, разных возрастов и интересов. Жорику только еще предстояло идти в школу в этом году, поэтому компанию ему составляли потенциальные одноклассники – Саня Сопля, толстый Дима с нерусской фамилией из соседнего дома и Татьяна из третьего подъезда – золотушная девочка с почерневшими от леденцов зубами. Сама Татьяна не выговаривала «Р», плевалась семечками и плохо умывала загорелое разбойничье лицо, но старшая ее сестра Людмила была совершенно необыкновенная.

Жорик не понимал, почему он всегда ждал, когда эта девочка с каштановыми блестящими волосами до плеч, выйдет с достоинством взрослой третьеклассницы во двор и, вздыхая, мол, – возись с вами – поведет их играть в «картошку» или еще что-нибудь. Какие могут быть мысли в шесть-то лет у скромного мальчишки? Никаких, конечно, только память предков. Коллективное бессознательное, пожалуй.

Хуже всего было предстать перед ней неловким или неуклюжим. Бегать медленнее остальных, криво кидать резиновый, отзывающийся на тумаки обиженным «бымм» фиолетовый мяч, не дай бог, размазать по щекам надутые ветром сопли – и не заметить, чтобы все смеялись.

Однажды такое геройство Жорика крепко подвело. Красуясь неудержимым бегом при прорыве обороны вражеской команды, он не заметил растянутого ремешка сандалии и

со всего маху рухнул затылком на тротуар. Сначала ему самому показалось, что грохот был такой, будто обрушился дом. Перед глазами вспухла багровая с синим радуга вместо летнего яркого дня, а с балкона завопила бабушка:

– Оля!! Парень наш разбился!

Однако, сам Жорик не заревел. Зрение вернулось к нему скоро и совсем близко показались синие глаза девочки Люды и тонкая прядь волос защекотала нос:

– Ой... Ты как же так? Больно?

Было не больно, только шея чувствовала липкую теплую струю, и немного плыло перед глазами. Полежать бы еще, глядя на ее лицо так близко, да бабушка разогнала всех, потащила домой.

Лето 1982 года сменилось осенью и Жорика повели в первый класс. Растерянные дети озирались на праздничной линейке в поиске знакомых родительских лиц, переминались скромно на крошащихся плитах площадки у стадиона «Динамо», с недоверием поглядывая на торжественно-пафосных учителей и уже совсем взрослых десятиклассников.

Жорика взяла за холодную кисть большой мягкой ладонью взрослая девочка в белом переднике, ободряюще наклонилась, подмигнула коровьим глазом:

– Не бойся, малыш. В школе хорошо!

От нее пахло сигаретами и сладкими духами, и она вовсе не походила на третьеклассницу Люду.

Школа желтым традиционным фасадом глядела на цен-

тральную улицу. По утрам бабушка водила Жорика на уроки. Они выходили из дома, шли мимо автобусной остановки с сине-белой облупленной будкой «Союзпечати», миновали вереницу деревянных двухэтажных домов, от которых, прямо из распахнутых подъездных дверей невыносимо пахло выгребными ямами.

– Вот, у тебя дома унитаза, а другие дети в дырку в туалет ходят, – наставительно говорила бабушка, – А раньше-то так все жили.

В школе Жорику в принципе нравилось. Конечно, домой хотелось, ни о какой продленке и речи не было, но уроки были интересными и первая учительница, на счастье, оказалась женщиной доброй, к детям – ласковой.

В том году снег выпал рано, и Георгий ходил седьмого ноября с отцом на демонстрацию. Очень много людей в плащах, шляпах и беретах, с красными бантиками на одежде, шли по улицам, в основном по той центральной, где стоял родной дом. Мужчины несли транспаранты, флаги и портреты важных людей с медалями на пиджаках.

Через три дня в квартиру позвонила тетя Ира и со слезами сказала бабушке:

– Дуся, а ты слыхала? Леонид Ильич умер!!..

Жорик, как и все дети, не пошел в школу и нарисовал на бумаге, немного криво, но от души, короткий некролог: «Леонид Брежнев» 1982

И добавил пять звезд. Потому что забыл, сколько у Лео-

нида Ильича их было на портрете. По телевизору танцевали люди в белой одежде.

Слегка омрачали школьный быт небольшие происшествия, но внимания им особенно никто не уделял, даже сердобольная бабушка. Начать с того, что радужные впечатления об окружающих людях подпортил под самый новый год восьмиклассник с угрюмым костлявым лицом по кличке Гуня. Явившись в школу в дурном настроении, он разогнал пинками у столовой дежурных из числа пионерской дружины, до подхода старшего комсомольского актива решил обойти обедавшую мелкотню и собрать у всех из тарелок котлеты на закуску к вечерним посиделкам с товарищами.

Дело обычное, но по дороге ему попался Жорик, неосмотрительно решивший попить воды из крана у столовой. Этот латунный клювик для удобства утоления жажды сырой водой руководство школы заботливо развернуло давным-давно кверху дыркой. Конечно, слегка измученный вчерашним портвейном Гуня пройти мимо склоненного малыша не смог и непринужденно огрел его по затылку кулаком, так что об кран раскрошились два зуба, и расползлась губа. Никакого резонанса это событие не получило, просто Жорик задумался – правда ли все люди добры и милосердны?..

Жизнь, откровенно говоря, совершенно однообразное, цикличное явление. Разница в набегающих годах лишь в том, что время неизбежно ускоряется, сжимаясь в тугую крепкую спираль, пока совсем не положит конец, сомкнув-

шись удавкой на горле человека. Многие заблуждаются, полагая свое существование дорогой, таким путем, а время – линейной величиной.

Скорее всего – ничего подобного. Фигура человека бредет по кругу, по укорачивающимся виткам, откуда, со следующего поворота, обернувшись, можно увидеть похожий предыдущий, только тот отрезок выше к началу жизни, ближе к свету, радостней, и поэтому, вероятно, прошлое вспоминается с тоской из-за своей невозвратности.

За огромными старыми тополями, которые выше пятиэтажного родного дома, – улица Мира. Перейди ее, не слишком шумную, пропустив одинокий облезлый троллейбус, и окажешься на ступеньках древнего желтого дома с полукруглым фасадом под остроконечной ржавой крышей. Это бывшая церковь, а теперь – трудовой комбинат дураков. Там они зарабатывают по три рубля в неделю, раскладывая по коробкам пластмассовые счетные палочки для школьников, а заодно подлечиваются этим бесхитростным трудом.

Иногда дебилов выпускают покурить на улицу и они выносят в карманах голубенькие таблетки, которые сами же не приняли в положенное время. Сосед Жорика – авторитетный, на правах старшего, шестиклассник Писыч – выменивает у олигофренов колеса на бледные кустарные фотки голых женщин. Жорик заметил, кстати говоря, что все дебилы – рослые парни с густыми шевелюрами, блестящими глазами и обязательно толстогубые.

– Ты, Гоша,мотри, – гнусил Писыч, закидывая под язык половинку голубого кругляша, – Без меня к ним не ходи! Их, вишь, отдельно от ихних баб держат. Озверелые совсем. Утащат тебя в дурку и отпетушат...

– Чего это такое? – удивлялся Жорик, но и в восемь лет понимал – что-то плохое.

Писыч вздыхал, махнув рукой, потом курил на лавке у подъезда, травил разные байки. Ближе к вечеру подтягивались со школы прочие пацаны, тогда Писыч, подмигнув, бежал к себе домой, отливал в пустой молочный треугольный пакет портвейна из бутылки отчима, туда же цедил огуречный одеколон и угощал товарищей. Как-то раз Жорик позвал его к себе в гости – поиграть в каучуковых индейцев – но Писыч, позевав от скуки, тихонько прилег после портвейна на диван в большой комнате, да и в коротком ребячьем похмельном сне обмочил почтенную плюшевую мебель. Бабушка, конечно, негодовала...

Заслуживающее внимание с точки зрения тогдашнего трехклассника Жорика событие произошло однажды поздней осенью восемьдесят пятого года. Деревья во дворе напрочь облетели. Лил противный дождь. Все ребята парились на продленке, и Георгий в одиночестве бродил по лужам, стреляя время от времени по воронам проволочными пульками из рогатки. Птицам вреда хилые снаряды не наносили, но, похоже, они готовились собраться в стаю и заклевать на смерть надоевшего мальчика. Тоска так бы и продолжалась до

вечера, да окликнул из форточки с третьего этажа друг Писыч, высунув стриженую круглую голову на улицу:

– Ээээ, Гоша! Меня тут заперла мать. Менты, гады, казнь готовят...

Про вчерашнее происшествие Жорик знал. Запив синенькую таблетку одеколоном, Писыч изготовил из хлебного мякиша реалистичное подобие человеческих экскрементов, и, прикинувшись инвалидом, бродил по троллейбусной остановке. Ничего плохого он, на взгляд Жорика, не сделал, просто, волоча ногу, подходил к теткам, вытягивал на ладони перед собой скульптурный мякиш, ныл:

– Тетя!! Купи какашку! Ну, купи какашку, а?!

Среди женщин оказался пожилой дружинник, который и сдал Писыча в детскую комнату милиции. Теперь тот отбывал наказание взаперти.

Жорику общаться с Писычем строго запретили. Бабушка сердито отчитывала:

– Чтоб к Вовке Писареву больше не подходил! Одна гадость от него. Надо же – мать в горисполкоме, а этот – оторви и выбрось. Ну так – безотцовщина...

Просто так предать друга Георгий не мог, поэтому подошел, осторожно оглядываясь, к окну арестанта, проговорил в сложенные рупором ладони:

– Чего тебе, Вовка?!

Из раскрытой форточки в лужу шлепнулась пустая сигаретная пачка, поплыла, напокая, будто тонущий лайнер, на

середину.

Писыч с верхотуры зашипел отчаянно:

– Гоша!!! Да хватай ее!!! Там таблы наши. Отнеси к шести часам Дюше Хромому в горку. Заработаем с тобой три рубля. Не подведи только! Я им обещал...

Предчувствие участия в чем-то нехорошем охватило Жорика, но все же он выхватил из ледяной воды черную пачку «Космоса» и сунул в карман болоньевой крутки.

К шести часам вечера из училища возвращались те, кого во дворе старушки называли «хулиганье», а дома бабушка, увещевая Жорика хорошо учиться, страдала страшным будущим этой компании:

– Ты, голубчик, книжек побольше читай, да учись на пятерки. Иначе пойдешь, как эти шалопаи – ПТУ, водка и тюрьма, прости Господи...

Тяжело переводя дух, успокаивая стук сердца, попутно оглядываясь на родной балкон, Жорик облетевшими кустиками прокрался к черневшей в сумерках громаде старой деревянной горки. Больше всего сооружение напоминало помост с эшафотом из недавнего кинофильма «Три толстяка». На этой горке можно было появиться малышне только зимой, когда мужики обливали ее деревянный изношенный горб водой, выходили по выходным с детворой, зевая редкозубыми ртами, выгоняя утренний похмельный дух.

Летом же, весной и осенью нутро горки оккупировала кодла из соседнего дома – компания, отправленная после

восьмого класса из школы в ПТУ ковырять заскорузлыми ногтями металлическую стружку на облезлых зеленых токарных станках, пить бурый портвейн «Три семерки» и дожидаться, когда в военкомате пройдет по спутанным кудрям машинка, изготавливая очередного срочника Советской Армии.

В чреве горки, пробиваясь промеж темных лесин, мелькал огонек, слышались голоса и кашель. Жорик замер у входа, прислонившись лбом к шершавым, занозистым доскам, вслушивался. Кто-то вздыхал, мычал будто, ломаным юношеским баском звучала матерная речь. Ничего не поделатъ – нужно войти.

Сколоченные вкось доски подались внутрь, выпуская из нутра пристанища кислый дух, клубы табачного дыма и сладковатую животную вонь. Прямо у входа на застеленном газеткой деревянном ящике отливает зеленым початая поллитра, алеет томатными рыбьими кишками банка консервов, белые шарики вялых луковиц добавляют остроты в палитру ароматов.

– Тебе чего, малой? – Дюша Хромой, главный в этой шобле, курит в единственном драном кресле, закинув короткую от рождения ногу на острое колено второй в синей мокрой кеде с белым мячиком на щиколотке. У Хромого приветливое лицо с веселыми голубыми глазами.

– Зачем приперся?! – из темного угла появляется смуглая, будто закопченная морда длинного пацана из первого

подъезда с дурацким прозвищем Зозуля. У него желтые собачьи зубы и редкие кудрявые усики. Зозуля крепкой пятерней сжимает ворот куртки Жорика, но это не страшно.

Страшно, что в дальнем конце горки, под самым скатом, на полосатом, в темных пятнах матрасе, из которого торчат куски сырой слежавшейся ваты, третий хулиган – Серега Широков, который в прошлом году мучал котят за гаражами, теперь мелькает голой белой задницей над распластанной девочкой. А у нее на бледном лице глаза закатились так, что не видно зрачков и изо рта тонкая струйка слюны тянется к самому земляному полу.

Жорик онемел настолько, что, казалось ему, крик застрял комом пониже шеи и мешал дышать. Хромой приложил палец к губам, улыбнулся ласково:

– Не ори. Это с интерната девчонка. Невеста моя, Натаха. Они с Серым играют. Вроде как – кто сильнее. Понял?

Жорик кивнул и жалостливо посмотрел снизу вверх на Зозулю, все еще душившего его воротом куртки.

– Пусти его, – скомандовал Хромой, – Чего пришел-то?! Девочка в темноте немного скулила в такт ерзанью матраса, Зозуля отпустил куртку, и дар речи вернулся к Жорику.

– Тебе Вовка Писыч таблеток послал. На, я принес...

Хромой высыпал синие блинчики из пачки на свою твердую ладонь, сосчитал, беззвучно шевеля губами, потрянул светлыми кудрями, одобрительно пожал Жорику ледяную кисть:

– Молодец. Мужик. Хлебнешь водяры?

Из мутного стакана с обколотым краем пахнет луком, рыбой и больницей. Полглотка прокатились по языку, зажгли в желудке, через минуту теплом отозвались в замерзших ушах.

– Я пойду, – Жорик уже смелее посмотрел на доброго хозяина горки, заглянул в темный угол, где кряхтенье замерло.

– Иди, – разрешил Хромой, – погоди. На – трешку. Заработал.

Жорик пятился к двери, когда девочка села на матрасе, потирая растрепанную голову. У нее текли слезы, и подумалось – наверное, Серый сделал ей больно. С девчонками же драться нельзя.

– Водки хоть дайте, сволочи, – сипло сказала она и картинка зловещей горки померкла, поскольку Зозуля железной своей лапой выставил Жорика за дверь, в холодную дождливую осень.

Дома всегда было тепло и пахло вкусной едой. Тогда, в юном возрасте, окруженный всеобъемлющей заботой родителей, Георгий думал – иначе и быть не может. Трудно было представить, чтобы мама или бабушка полагали для себя более важным что-то, чем радость маленького мальчика.

Были и трудные, пасмурные дни. Когда тяжело болела мама, а Жорик в отчаянии ревел, зарывая мокрое лицо в старое свернутое пуховое одеяло в темной кладовой. После, когда врачи делали ей операцию, они вдвоем с бабушкой стояли в запущенном парке у больницы, утопая в мокрых ржавых

листьях, глядели на высокие окна палат, и Георгий просил кого-то, кто обязательно поможет, чтобы мама не болела.

Мама выздоровела, но у него самого в сердце с той поры застряла острая иголочка, которая иногда начинала колоть. Когда зимний короткий день сдавался фиолетовой тьме и лишь редкие фонари освещали ползущие под снегом троллейбусы, а мама все еще не пришла с работы, Георгий, отмахнувшись от бабушки, выбегал, стуча незавязанными ботинками, в вечернюю темень. Мимо брели возвращающиеся с работы другие люди, даже чужие мамы, и с каждой минутой их поток редел, загорались окна в домах, а его мамы все не было. Улица затихала, уныло моргали светофоры, и когда уже начинали застывать слезы на замерзших щеках, появлялась из отвесной пелены снежинок родная фигура.

– Ты что ж на улице, Георгий? – Она ставила на тротуар полные сумки продуктов, ловила его рукавами тонкого, продутого ветром насквозь серого пальто, прижимала к себе, чувствовала вздрагивающие плечи, – Ну ты что, дурачок мой? Я после работы на рынок. Купила курицу, картошку и еще всякого... Да что со мной случится? Пошли. Отец-то дома?

Георгий хватал одну сумку, мужественно тащил, и был совершенно счастлив. Отца дома, конечно, еще не было. Возможно, этот вечер тоже будет мрачноват, но это потом, а пока – мама здесь, рядом. Она улыбается, хотя впереди у нее – домашние труды далеко за полночь, ранний подъем, ника-

кого шанса на летний отдых, потому что юг – для богатых и беззаботных, а у нас четыре сотки с крошечным домиком, и вот это самое серое пальто на каждый год с октября по май – ближайшие двадцать лет.

Мама ушла, когда Георгий еще был человеком этого мира. Он берег преданность ей, потеряв уже отца и многих родных, молился какому-то богу и думал – пусть только она живет, иначе не будет здесь для меня света.

Листая назад события в безжалостной памяти, Георгий хранил немного выцветшими, но реальными картинками каждую свою вину по отношению к матери – вспыльчивость, невнимание, занятость ненужными давно делами, и игла, живущая в его сердце, колола все сильнее.

Мама болела. Казалось, не было клеточки ее тела, которую бы не истрепала жизнь, обычная жизнь советской женщины, в которой для нее было счастье – семья, и, конечно, он – Георгий. Увлеченный работой, друзьями и мимолетными романами, он приходил к ней часто. Оставался недолго, говорил о своем, шутил над мамиными советами, целовал и убегал в бурлящую цветным калейдоскопом жизнь. А она оставалась ждать его – маленькая женщина, почти слепая, с большим, измученным, до конца полным материнской любви, сердцем. Говорила, с трудом стоя в дверях, опираясь на палочку:

– Жорочка, ну почему ты все время убегаешь? Посиди со мной еще минутку. Живу, для тебя только, мой родной. Мне

почему-то кажется, что не могу тебя оставить, что нужна еще ... Ну, беги, это я просто. Какой суп тебе сварить завтра? Придешь? Ты приходи. Я борщ сварю. Хочешь?..

У мамы в квартире – музей предметов счастья, старые елочные игрушки, детские книги и рисунки, много фотографий родных, румынская полированная мебель. Там чисто и уютно, там в уголках таится память ушедших людей, которую хранила мама, пока жила.

Всё смысл точно такой же безразличный ноябрьский дождь, как льет сейчас. Он установил полупрозрачную, холодную, пробирающую до костей завесу, отделившую солнечный мир обычных людей от бесконечной дороги в пустые места, по которой бредет Георгий уже много лет, минуя еле заметные могилы на обочинах, порхающие в сумерках обрывки пожелтевших школьных сочинений, и где перекликаются заблудившиеся голоса старых друзей, забытых женщин и покинутых детей.

Сегодня, перед самым Покровом, Савельеву приснился отец, давно, задолго до мамы похороненный на старом кладбище под ветхими, искореженными временем березами. В пятом часу утра, когда уныло и монотонно брякал ледяными каплями по подоконникам предзимний октябрьский дождь, будто наяву появилась в мозгу картинка – большая комната, лица друзей и знакомых, какая-то вечеринка в разгаре. Он, Георгий, стоит спиной к дверям, и вдруг входит отец, идет мимо него, слегка развернув недовольное строгое лицо.

На папе – рыжая или вишневая выглаженная рубашка, рукава подвернуты на пару оборотов, как он любил, брюки от костюма, со стрелками.

Георгий не успевает обратиться к отцу, вытягивает руку, мол, подожди, остановись поговорить, мамы больше нет, мне одиноко!! Но он идёт мимо, рядом с не замечающими его друзьями Георгия, их женами, мимо столиков с выпивкой и закусками, доходит до больших окон и исчезает, не сводя с сына сурового, немного презрительного взгляда. Точно так он смотрел на Жорика в юности, когда тот в девятом классе начал отращивать волосы и стал слушать на хрипучем магнитофоне группу «Metallica». За теми окнами, как и теперь, почти как всегда в жизни, с неба течет вода, будто в заоблачной высоте кто-то без конца рыдает.

Когда же Георгию пришла мысль бросить все, разом поменять, бежать прочь от бесконечной вереницы дней, перестать, наконец, коптить небо? Он и сам не знал. Вероятно, идея зрела давно, наполняясь содержанием, прибавляя решимости свернуть с проторенной дороги, тая надежду увидеть иные дали, и там, в других местах, среди малознакомых людей, сделать последний вдох, прислушиваясь к стуку замирающего сердца, улететь навстречу ласковому голубому небу и яркому солнцу, туда, где еще есть счастье. Видно, поэтому во сне отец был сердит – потому, что малодушно медлишь, сын...

Карьера Савельева к тому моменту сложилась достаточ-

но успешно. В провинциальном родном городе покорено достаточно вершин и трудно было себе представить какое-либо движение вперед. Скорее всего, его ожидало растущее с каждым днем равнодушие к происходящему, раздражение к окружающим, лень, как закономерный итог – падение в бездну пьянства и финал с обширным инфарктом.

Того хуже, могли бы найтись молодые и голодные люди, мечтающие занять его место, со связями, а главное – с желанием и потребностями во что бы то ни стало оказаться наверху убогой социальной пирамиды, и тогда Георгию было бы еще больнее наблюдать, как уходит власть, а вместе с ней навсегда замолкает телефон, пропадают случайные товарищи, любовницы, и остаются только тени. Тут уж выход оставался бы один – не дожидаясь таящейся внутри каждого человека опухоли, открыть дома сейф, полюбоваться напоследок на самых преданных друзей – тускло блестящие вороненные стволы винтовок, выбрать один – короткую нарезную «Сайгу», гражданскую сестру АКСУ, да и пустить себе экспансивный цилиндрик в сердце.

Кстати, почему не в голову? Потому, что тогда измолотит и без того старое усталое лицо и закапывать придется в закрытом гробу. Интересно, кто придет на кладбище? Наверное, все же будут друзья, жена, вздохнувшая с облегчением и крутящая в голове сценарии о случайных возможных наследниках, может, кто-то из любовниц. Дочки?! Может, и приедут. Одна почти наверняка, вторая – как получится. В

принципе, большого значения это уже иметь не будет, во всяком случае, для Савельева.

Ненароком вспомнились похороны бывшего наставника по аспирантуре, доцента кафедры философии. Доцент тот, скромный и ученый человек, помер на шестом десятке лет, угодивши под троллейбус по пути с работы. Был он рассеян, немного выпивал после работы и не разглядел, погруженный в свои мысли, зимним вечером рогатое облезлое чудовище, которое и смело его напрочь с грязного заснеженного проспекта.

Доцента хоронили все кафедралы, аспиранты, жена, дочка и пара любовниц. Покойный при жизни был очень добр и весьма начитан, поэтому к могиле пришли обе его последние музы – работница государственного архива средних лет и юное дарование – студентка четвертого курса. Осведомленная о не слишком тайной жизни доцента, супруга нарядила его для погребения в спортивные синтетические брюки «Пума», клетчатую рубаху и потертый коричневый пиджак.

– Не дай бог, вот так-то, – шепнул на ухо Савельеву молодой аспирант, однокашник, высокий, краснолицый Голиков, – Бросит жена в ящик в спортивных штанах и привет!

От него невероятно пахло водкой и копченой колбасой, поэтому он держался сзади, подальше от профессуры, рядом со студентами. Заведующий кафедрой, интеллигентный седовласый профессор, прячущий добрые мудрые глаза под зарослями брежневских бровей, взял слово первым, мучитель-

но подбирал слова, разводя перед животом тонкими узловатыми пальцами:

– Ну что ж, друзья... Э-э-кхм... Наш товарищ был – как бы выразиться – настоящим... эээ, настоящим дитём природы, я бы сказал... Ну, спи спокойно, Николай Николаевич!!!

После «дителя природы» завывала жена усопшего и побежала в сторону по раскисшей дорожке работница архива. На синие с красным спортивные штаны покойника уже навалило снежинок. Ученые сами неумело пристроили крышку домовины и отступили, давая кладбищенским работникам покрепче заколотить последнюю квартиру доцента.

В который раз обдумывая эту тему, Георгий спустил тощие ноги с кровати, подмигнул зеленому циферблату с привычными для пробуждения иероглифами 04-40, глядел в окно, сгибая немилосердно ноющую спину. Жены рядом в кровати не оказалось, с вечера ее опять закружила только ей ведомая буря немислимой обиды, и она с девичьей гордостью женщины на пятом десятке лет спала в другой комнате. Савельев давно перестал замечать закидоны супруги, хотелось списать их на наступающую, возможно, менопаузу, но вспоминал ее молодую, вздыхая, понимал – нет, такая уж она родилась, ничего не попишешь.

Раньше, бывало, переживал ее дикие сцены, с криками, слезами, сбором вещей, демонстрацией суицидальных намерений, сам орал и потом мирился, обнимал, успокаивал, а она пила таблетки и коньяк, не вдруг, не так вот просто, ути-

хомиривалась подолгу. Подумать только, к чему это все было?! Жизнь давно перевалила экватор, вскачь несутся дни, а поди ж ты, пойми – зачем тратил время и продолжаешь ехать, до самой последней станции, минуя остановки с красивейшими пейзажами, говоря себе – нет, не моя ещё, неправильно выходить, у меня билет – до конечной.

Впрочем, идеальных женщин не встречалось ему вовсе. По молодости, еще студентом начальных курсов, однажды влюбился в чужом городе в девушку из другого университета, математика и отличницу. Она разительно отличалась от несколько циничных, казавшихся не слишком привлекательными, девчонок из родного ВУЗа, высокая и тонкая, с кудрявыми волосами, темными, будто влажными глазами, и губы ее были мягкие и отзывчивые. Случилось однажды ему даже ночевать у нее в гостях, в промерзшей насквозь комнатке съемной коммунальной квартиры. На ветхом диване они коротали ночь в разговорах, и Георгию было почему-то неловко касаться ее маленькой груди, вероятно, потому что в смущении она сжималась, будто дикий зверек и на тонкой шее начинала неистово плясать синяя вена. Холодно было, чтобы откинуть скользкое атласное одеяло, стыдно просто так, без свиданий и цветов использовать эту девочку, будто обычную шлюху.

Через пятнадцать лет он нашел ее через социальные сети, уговорил на встречу в Москве, кормил в «Сахалине» морскими гадами, водил в театр имени Моссовета, пьяный уже,

с тоской и жалостью глядел на нее – располневшую, одетую в темную одежду, с повисшими грустно уголками рта. В его номере в «Four Seasons», куда она шла покорно, сжимая его ладонь холодными, немного подрагивающими пальцами, она сказала ему, в нерешительности присев на край изумительной огромной кровати:

– Жора, тебе действительно это нужно? Ведь мы с тобой остались далеко в прошлом, в девяносто третьем году. Знаешь, я очень жалела, что не была с тобой хоть один раз. Это бы позволило мне не терзать себя потом так сильно. Замужество мое – спектакль несыгранных актеров, глупая история бездетных чужих людей. Мне сейчас очень больно, а утром будет, боюсь, еще больнее...

Глаза у нее остались прежние – лучистые, умные, только немного погас замечательный девичий блеск. Савельев поцеловал ее в покорные теплые губы и убрался до утра пить дымный до изжоги виски в ресторан на последний этаж отеля. Действительно, пусть выдуманная сказка остается прекрасной небылью, к чему мараť очарование перевернутых страниц?.. Жаль только, что слишком часто мы страницы эти просто пробегаем по диагонали, не вчитываясь, теряя смысл.

Решимость закончить этот этап жизни, срежиссированный судьбой и им самим, крепла в Савельеве все сильнее. Он искал повод зацепиться хоть за что-то, чтобы остаться здесь, среди понятного, и комфортного во всем, кроме постоянной тоски и ощущения бессмысленности происходящего, мира,

но, увы, не находил. Он с ожесточением перебирал своих женщин, случайных и проверенных отношениями, заводил новые знакомства, втайне ожидая – вот, сейчас кольнет чувство, может, эта девушка окажется для меня спасением, у меня станет петь душа, когда мыслями обращусь к ней, буду вздрагивать, прикасаясь к ее коже, или вдохнув запах ее волос?... Напрасные надежды! Друзья пожимали плечами, зарабатывая деньги, обрастая коттеджами, подругами, внебрачными детьми, говорили – с жиру ты бесишься, остановись. Один лишь из близких, странный седой холостяк, вздыхая, заметил:

– Да, Жора. Это потому, что в твоей жизни совсем нет любви. Ни баб своих, ни детей ты не любишь. Всё для тебя – прошлое. Вот и бредешь среди призраков. Тогда тебе и самому туда пришло время...

Октябрьское утро наполнено ветром, несущим подмерзающую в снежинки обжигающе холодную воду с черного неба. В пасмурной вышине мчатся рваные предзимние облака. Савельева крепко пробрало промозглым холодом, от которого не спасало кашемировое пальто и туфли, до самого позвоночника. Для служебной машины шесть утра – слишком рано, сегодня в последний день своего прошлого он пойдет на работу по родному маленькому городу пешком.

В мусорном контейнере рядом с подъездом роется неторопливо мужик в красном засаленном пуховике, шелестит алюминиевой тарой, сминая ее в пакеты, качается, поблески-

вая в свете фонаря, длинная сопля под фиолетовым носом. Бездомного ждет преданный спутник – старый худой кобель, вислоухий убудок, чей предок, похоже, был гончим псом. Собака посмотрела на Савельева недоверчиво, гулко взлаяла:

– Уаафф!..

Бомж вяло поддел пса под задницу ногой в раскисших луноходах, раскашлялся, смахнул соплю, не глядя на Георгия буркнул:

– Фу ты, старый!! Нам это нельзя...

Савельев миновал помойку, согласился с бродягой, проговорил под нос, пряча в воротнике пальто застывший подбородок:

– Верно как. Нельзя. А мне скоро будет можно... Вот только осталось попрощаться с этим местом, и все...

На сегодня все дела уже намечены, нужно только не сбиться с плана, не дать слабинку, не пожалеть уходящего в прошлое мира, не расплакаться по-бабьи, пусть и про себя, молча. На работе срочно напроситься к главному начальнику, предупредить товарищей, написать заявление на отставку. Потом в военкомат, узнать, куда и как. Куда, понятно в общем уже давненько. Мир полыхает, разгораясь все ярче, раздувает костер неистребимая человечья тяга к гибели, спешит цивилизация в конце концов рухнуть во тьму изначальных истин и все по-новой – искать знания, веру, милосердие, которые разлетелись, утрачены, похищены новыми идолами

нынешнего времени.

Замедляя шаг на знакомых улицах, он шёл по застывающей слякоти к центру, минуя памятные с детства деревья, мостик через маленькую речку и старый дом, в котором прошло его детство, наполненное солнцем, песнями птиц и любовью. Савельев на секунду замер, подумав, что ничего не исчезло и сейчас этот мир тоже существует, просто он никак не может найти к нему дороги. Чтобы снова очутиться там, нужно не слишком много – побыстрее прошагать этот свой путь, сквозь непогоду и тоску, поработать над собой и сполна увидеть здешние гаснущие краски, дослушать грустные скрипки увядания, дописать картину жизни и скорей туда, где торжественно звучат героические трубы, на небе не гаснет свет, и живут счастливые люди.

За старыми тополями, чьи с суставчатые, в бугристой коре стволы щедро окрашены побелкой на высоту человеческого роста, торчит силикатного кирпича военкомат с намаляванными на фасаде двумя бойцами в касках и развевающихся за квадратными плечами плащ-палатках. Потемневшие красные пальцы мрачных солдат обнимают приклады и кругляши автоматных магазинов.

– По кой их с ППШ нарисовали?! – удивился кто-то из пацанов сзади и прицельно харкнул на спину возмущенно заоравшей вороне, – «Калаш» трудно было изобразить, что ли?

Жорик обернулся. Точно, кто-то с «Г» класса гнусит, до-

бавляет авторитета. Школьный военрук, доставляющий колонну допризывников на первую в жизни медкомиссию, побежал вдоль рядов, чавкающих по мартовским лужам бурым тающим снегом, высоким старческим голосом орал что-то сзади, блестел из-за толстенных очков выпученными глазами, часто приглаживал пятерней седой ежик волос, зажав под мышкой сбитую ветром кепку.

На комиссии не то, чтобы волнительно – а просто стыдно. Голые прыщавые плечи, тощие ноги, запах юношеских рыжеволосых подмышек, и в довершение всего в огромном кабинете, усталым прокуренным басом – снимай, говорят, трусы. И холодными узловатыми пальцами давят что-то там, так что в животе сводит.

– Что ж ты, твою мать, помыться не мог?! – вопрошает Саню Соплю у первого столика под белой простыней кожный доктор, брезгливо разглядывая пеструю от фурункулов поясницу сконфуженного допризывника, – Несет от тебя, как от козла... Товарищ военрук, вы предупреждали их, что сегодня комиссия? Что врачи будут смотреть, а?!

– Так точно, товарищ доктор! – орет глухой военрук, грозно надвигаясь на Саню откуда-то из-за бархатной портьеры, драпирующей стены зала, где в обычное время – лекторий для срочников, – У тебя почему трусы-то чернее ночи, Смирнов? Позорище, мамкино горе!!

Георгий врачам на здоровье не жаловался. Вместе с сопящими одноклассниками перетерпел унижения, получил по-

сле обеда книжечку допризывника, стоял в толпе пацанов, дымящей «Примой», редкой «Стюардессой», а то и вовсе прокипяченными «бычками», слушал через головы назидательно вещавшего солдата в заливчатски сбитой на затылок ушанке с одной лычкой младшего сержанта на алых погонах.

– Ваше счастье, салаги, что Афган закончился. Мамкам плакать не придется. А то бы щас вас, тепленьких, в горы. А тааам...

– Ты-то откуда знаешь? – презрительно осведомился двухметровый футболист Вова Лисин, опять же из отстающего «Г», – Сам-то, был, что ли?!

Сержант прищурился, хотел было разогнать толпу малолеток, да как раз показался с крыльца школьный военрук, сурово сверкая очками-консервами, дал команду шагать обратно в школу.

О том, что существует служба в армии и кто-то там действительно служит, подумалось остро и тревожно в девяносто пятом году. Тогда приехал с Кавказа малознакомый парень с соседнего двора и часто по выходным сидел на пенке у песочницы в окружении местных пацанов с железнодорожного училища, более авторитетных хулиганов и разной мелюзги, уложив пустую штанину левой ноги на костыли. Говорил он мало, в основном пил водку глоточками, звякая об стакан редкими темными зубами, курил и изредка вытирал рукавом застиранного армейского бушлата слезящиеся от ветра красные глаза.

В скором времени война на юге запылала уже вовсю, проникла в телевизор незнакомыми страшными лицами, настойчивой болью отзывалась в далеких от нее городах взрывами и заложниками.

Георгий учился в своем университете, добросовестно посещал военную кафедру, расставлял на макете ромбики танков, рогульки пушек и минометов, записывал за краснолицыми, тугими в своих мундирах, усатыми полковниками основы пехотной тактики. Потом, после пятого курса, были офицерские сборы. Под пронзительно синим летним небом, проклиная оводов, копали траншеи, накатывали блиндажи, бегали броски, гремя по пыльным проселкам дубовыми сапогами и перелезая по ночам заиленные речки, дрались с дедами-срочниками на пустыре за автогаражами, колупали в столовке вечную гречку, отыскивая в обломках куриных костей кусочки съедобной пупырчатой птичьей кожи.

Присяга прошла в торжественной обстановке. Несколько взвинчен был начальник кафедры, вертел красной шей в плотном воротнике кителя. Причина свежим студентам-офицерам была известна – сын полковника руководителя ВУЗовской кафедры, однокашник и веселый парень Сергей, шмыгающий расквашенным носом где-то в середине шеренги, накануне пригласил с города своих друзей. Веселые кореша привезли в салоне «Жигулей» настоящую обезьяну, которую им уступил какой-то пьянствующий сотрудник городского цирка напрокат.

Мартышку пронесли в казарму, но там бесноватая тварь вырвалась и моментально разгромила все помещение, разнесла умывальник, караулку и красный уголок, вереща, металась по трем этажам, спасаясь от людей, а во время задержания ободрала физиономию замполита части. И все это накануне присяги. Скандал замяли, а начальник кафедры пудовым волосатым кулаком свернул сыну благородный нос немного набок.

Вот, пожалуй, и все воспоминания Георгия о своем старом знакомстве с армейской жизнью. Теперь, двадцать пять лет спустя, он докуривал сигарету на ступеньках того же самого военкомата, куда привели его в восьмом классе в первый раз.

Правильно ли решил, или второпях, отмахнувшись от всего хорошего, комкая опостылевшую рутину, вспылит, чтобы уже – скорее поменять все сразу, оставить в прошлом остекленевшие осенние улицы, наизусть знакомые дома и кривые черные тополя, бежать прочь, поскольку пускай уже наступит что угодно, лишь бы спастись из бессмысленного замершего мира, где все предельно ясно, где остается лишь ожидание последнего цикла – вот сейчас, лягу спать и увижу финальный сон.

– Георгий Владимирович, точно ты решил? Как поедешь, через ЧВК? По своей военно-учетной? – Горвоенком, давно знакомый седой полковник с темными галчиными глазами доброжелательно, жалея, глядит Савельеву куда-то в левое

ухо. Недоумеваает, наверное, мол, чокнулся, допил виски до изумления товарищ. Но не отговаривает. Кто его знает, что у этого начальника на уме. Может, пробивает по своей политической линии, качает его, уставшего служивого, – ну, разубеди меня, а я и сдам тебя, кому следует.

– Да какое там ЧВК, – Георгий курит, щуря глаза, ощущая, как ползет вниз уголок рта, все же, нервы не ровны совсем. Шаг сделан и скоро порвется с треском домашняя ткань привычных дней, – У меня ж нога еле ходит. Да и офицер из меня какой? Сам понимаешь. Отвечать за людей не имею права. Ты мне помоги, лучше, уехать к тамошним, к местным. Через казаков, или еще что... Тебе виднее.

– Ну, как знаешь, – вздыхает полковник, встает, – Посиди тут, сейчас карточку твою поднимем. Попробую контакт найти через округ. Только, может, погодил бы?! Зима на носу. Да и, боюсь, скоро все по-настоящему начнется. Слухи каждый день, один другого хуже.

– Да нечего ждать, мой друг, – Георгий пожал плечами, – Мне собраться пару дней. Решил уж. Время мое пришло. Там, может, и пригожусь еще.

На улице пасмурно. Метет мягкие сырые снежинки, они липнут на ресницы, кроют грязные машины и тают в темных лужах. Время к обеду, а толком и не рассветает. Небо печально, под таким, заодно с тусклым миром, хорошо бы лечь и умереть. Савельеву же, удивительное дело, шагать на работу, чтоб уладить последние дела, сегодня необычайно легко.

Остается еще краткое объяснение с женой и – вперед, в другую жизнь. Он остановился, прикуривая. Вероятнее всего, будет путь в один конец, не удастся отлистать обратно наспех прочитанные странички, но, может, это единственная возможность выгрести в сторону, вырваться из вязкого, словно овсяный кисель, мутного потока бессмысленных дней.

– Ну, вот н-нн-а кой черт мы сюда поперли?! – Шипит, заикаясь, в свалывшийся серый искусственный мех бушлата Коля по прозвищу Мыза, – Наши через два дня тут будут. В городе танков уже тьма. Давеча разгружали, кум го-о-оворил. Мотопехоту выдвинули аж почти на пятьдесят кэмэ вперед, не помещаются. Пошто тут лазим, когда бандеров еще не вышибли?.. Толку-то от нас...

– Мы ж пластуны, забыл? Разведчики, едрена мать, – Георгий сдвинул задубевшими белыми пальцами с кронштейна оптику, из-под путаницы бетонных, ощеренных арматурой обломков, методично оглядывал в пестрящую точками, мутную линзу ПСО развалины пятиэтажки. Вчера сюда угодили, наверное, с гаубицы. Угол крыши над первым подъездом съехал, торцовая стена упала наружу, обнажив неприлично внутренности чьих-то квартир.

Бог бы с ним, с этим домом, да он крайний перед заросшими оврагами, дальше – припорошенными полями, за голой лесополосой чернеет дорога на запад. Где-то там сидит наблюдатель, он же по случаю корректировщик огня. Навер-

ное, чуть поодаль и в сторону, в очередном перелеске лежат на импортных пенках противотанковые расчеты, чтоб, если вдруг двинется кто по дороге – бить во фланг. Ну, а гаубичная батарея, та, которая уже три недели лениво и методично долбит город, скорее всего уже за большим лесом, километров десять до нее. Георгий спрашивал комбата – почему думаешь, что Д-30? Стали бы бандеры рисковать неподвижной позицией, ждать, пока свалятся на головы с пасмурного неба «Грачи». Скорей уж ходят там гусеничные «Акации», либо шныряют юркие «Крабы» Войска Польского.

Как раз у обрушившегося первого подъезда на ржавых, в зеленой шелухе старой краски сушилках ветер мотает заиндевелую с ночи простыню и зеленое махровое полотенце. Белье не потемнело еще от ненастья, немного только припорошено кирпичной красной трухой. Мыза на стволе автомата поднимает над глиняной кучей свою вязаную грязную шапку, двигает ей туда-сюда, ждет шелестящей очереди или одинокого винтовочного «чирк», но кругом тишина.

– Следов нет, – шипит он, – А с вечера снег шел. Убежали га-г-ады. Давай назад, Жора. Подыхать неохота, перед наступлением-то...

– Погоди, – Георгий отполз пониже, стянул СВД со спины, аккуратно пристроил среди бетонной мешанины, выковыривал из-под куртки кургузый, почти расставшийся с воронением «Макаров», – В подвале люди, видишь, пар с окошка идет? Я сейчас вернусь назад и переползу от горелого авто-

буса, вдоль дома и к этому подъезду. Попробую в слуховое позвать. Через подъезд не зайти, перекрытия, боюсь, до конца обвалятся. Прикрывай, Колян. Проверю, и назад.

– Ты ду-у-урак, что ли?! Не-е-ее вздумай орать там. Кидай гранату в подвал, раз уж решил проверить. И сразу хо-о-оду отсюда, на хрен. Прилетит ведь, Жора. Либо бандеры набегут. Да куда ты, интеллигенция, тво-о-ою же мать!..

Говорят, Мыза стал заикаться год назад, после контузии и минометной железяки, разворотившей ему губы и лишившей зубов. Но Георгий не верил. Тем более, что сильно заикался Мыза только в минуты расстройств и только на гласные, а самого Кольку спросить было неудобно. Ранение-то понятно – дело военное, а причем тут заикание? Поди, это у него с детства. Обидится еще человек, кому какое дело?

За пять месяцев всхунулся Савельев изрядно. Еды, вроде бы и хватало, а порой кусок в горло не шел, да и суеты много. Страх, опять же, отожраться не дает. Зато быстро и ловко, опытным дворовым псом, даже не ломая хрусткий ледок ботинками, шмыгнул мимо горелых скелетов машин, опрокинутых мусорных баков и улыбчивого, уже осеннего трупа в бежевом чужом камуфляже, бухнулся расчетливо на мягкий газон коленями, прополз к разбитому подвальному окну. Оттуда лениво поднимается в морозный воздух кислый пар. Отопления тут давно нет, значит, дышат в стылой тьме люди. Сидят на корточках попавшие случаем под завал бандеровские разведчики, или караулит озверелый азовец с РПГ,

или... да какая разница, кто именно?

Прав Мыза – кругляш РГН им в подарок, и всех делов. Вместо гранаты Георгий кидает в окошко комочек снега, тихонько свистит. Внутри вроде движение, и будто носом кто-то шмыгнул. А потом – писк, хныканье, сильнее, громче и снова стихает, зажатое чьей-то ладонью.

– Эй, бродяги! – шепчет Савельев рядом с окошком, – Есть живые? Отзовись. Считаю до трех, и лови яблочко!

– Дядька, мы тут, с мамкой, – поспешно затараторил кто-то из темноты, – Я Матвей, живу здесь. Сестренка еще. Не убивай, не надо!! Тутошние мы, мирные...

Савельев отвалился к стене, показал Мызе поднятый вверх большой палец, просемафорил ладонями, мол, дети, вроде. Недоверчивый Мыза свой автомат все равно с подвала не сводил, кивнул – понял, действуй.

– Вылазь, мелюзга! – шепотом скомандовал Георгий в темноту, – только медленно давай.

– Не могу, дядька, – со вздохом изнутри вылетело облачко пара, – Мамку не подниму. Она все время спит. Помочь надо...

Савельев на четвереньках пополз к окошку, получил куском глины по спине от возмущенного его идиотизмом Мызы, проклиная себя за глупость, нашарил под разбитым окном шершавую стену, ухнул на вытянутые руки в промозглый сырой подвал.

Тут его, конечно, сразу бы и вспороли от кадыка до уха,

даже стрелять не надо, будь там враги. Но внутри оказался паренек лет десяти в синей драной куртке, заслонивший собой пугливое закопченное детское личико с подковкой плачущего маленького рта и неподвижно лежащую на гнилых досках женщину с закутанной кровавой простыней головой.

– Ну, привет! Как там тебя, Матвей, Мотька, значит?! Не бойся, идите сюда...

– Ты откуда будешь, дядька? – чуть слышно, недоверчиво проговорил паренек, отступая назад, двигая в темноту семенящую, затихшую девочку, – Мы тут просто живем. Mamka вот под завал попала и спит теперь. Уж второй день как. Не трогай нас, мы мирные...

Савельев явственно вспомнил рассказы братвы в батальоне про закопанных живьем вместе с родителями детишек из пригородов, про сожженные маленькие трупы на сельских, измятых гусеницами проселках, поднял ладони, доверительно проговорил:

– Да я ж казак, парень. С Луганска. Наши скоро придут, ты не бойся. Ну, давай глянем, что с мамкой твоей...

Под ссохшейся от крови тряпкой лица и головы у женщины почти нет. Видно, стесало все нужное для жизни сброшенное взрывом бетонное перекрытие, осталась только маленькая частичка мозга, погружившая уже убитую, но еще дышащую, в милосердную кому.

– Давай руку-то, малец! – Шипит у окна Мыза, ежесекундно оглядываясь, стволом автомата сканируя уничтоженный

двор дома, – Сначала сам, потом сеструху свою. Кто ее тут ловить будет. Да не шуми, ей богу дождемся бандеру, как пить дать...

– А маму вынимать, маму-то?! – отчаянно шепчет Савельеву вниз паренек, – Дядя, давай ее, мы вытянем!!

– Что там? Трехсо-о-отая? По тяжелой? Носилки мастырить надо? – Вопрошает с дневного света издерганный Мыза, – Чего молчишь-то, Жо-о-ора?!

Савельев вздыхает в темноте. Тут врачом быть ни к чему. Женщина мертва, ясно, хоть и дышит еще. Не унести ее, далеко и опасно, к тому же все равно без толку. Кряхтя, выбрался из подвала на улицу, взял в руки холодные ладошки пацана, мягко и тихо сказал ему:

– Нельзя мамку трогать. Завтра наши в атаку пойдут, медика приведем. Она тут, в подвале, в безопасности. Ей лучше здесь. Ты верь мне, Мотька. Так нужно.

На один миг лицо мальчика чуть сморщилось, предательски скривился рот, покраснели брови, и слезы быстрыми стеклянными каплями побежали по грязным щекам, чертя блестящие линии. Он не заплакал в голос, сдержался, обнял растрепанную сестренку, едва не срываясь на мальчишеский рев, глухо сказал:

– Ладно. Только я этот дом запомнил. Вернусь сюда. Пошли, мужики...Катка, вон, есть хочет.

Они перебежками миновали один двор, следующий, свернули к бывшему детсаду, который вровень с землей изутю-

жили «Грады» не понять уже – с которой стороны – там спустились в овражек и побежали почти в рост, прикрытые ивовыми лысыми ветками. Савельев чувствовал маленькие детские руки на своей шее, прижимал малышку к груди, балансировал, с трудом вынимая облепленные раскисшим черноземом ботинки, смотрел, как бежит впереди мальчонка, часто оглядываясь на него и свою маленькую сестру. Откуда-то, с той стороны, углядели их, стеганула – та-та-та – ленивая пулеметная очередь, но низко, с недолетом.

– Давай быстрее, ребя-я-ята!! – хрипло, раскашлявшись на бегу, заорал Мыза, – Щас с гаубиц дадут! Х-о-ооду!

И точно, через пару минут гулкое – бумм!! – раз и другой принеслось из-за леса, подняло тучи ворон с присыпанных снегом полей, воздух наполнился шорохом с неохотным завыванием на излете и смерть прилетела по истерзанным остаткам Матвейкиного дома. На секунду мальчишка остановился, дождался запыхавшегося Савельева, крикнул ему:

– Дядя, там мамка!! Убили они ее?!! Ну, скажи!

– Беги, сынок!! Маме твоей не больно, ты верь мне! Ей больше всего хочется, чтоб вы жили.

Они бежали мимо пустоглазых домиков, измочаленных в щепки яблоневого сада, сгоревших машин и непаханных, зарастающих пустошей. Гул гаубичных взрывов не давал угомониться птицам, и они при первой возможности с радостью исклевали бы трупы виноватых в этом спешащих мимо людей.

2

*И тогда соблазняются многие, и друг друга будут преда-
вать,*

и возненавидят друг друга...

*и по причине умножения беззакония во многих охладееет
любовь..*

претерпевший же до конца – спасется.

(Евангелие от Матфея 24:13)

– Да ты ж пойдешь в школу уже, Мишка, или не? – Бабушка Женя влажной пухлой рукой приглаживает вихры ковыряющему в тарелке обжигающую жидкую манную кашу внуку. Мише и самому жарко. Соседка Зоя без меры топит со своей половины облупленное, охающее временами желтое тело квартирной печки – одной на четыре комнаты, а говорить с ней – без толку. Когда Зоя в настроении, спровадит толстого своего, ровесника Миши, сына Сережку на долгую прогулку по замусоренным подворотням и ждет, щедро разукрашенная косметикой, очередного кавалера, тогда с ней можно иметь дело. Угостит каменным старым пряником в табачных крошках Мишку, бабушке Жене, улыбаясь, скажет:

– Чего ж ворчишь, баба Женя? Не всю жизнь мне одной в кровати куковать. Оттого и топлю пошибче – холодно мне без дяденьки. Жуть как, аж ноги леденеют...

Дом их – на перекрестке, недалеко от школы. Прилепился одним деревянным черным боком почти вплотную к стене Станции скорой помощи, дальше военкомат, потом – желтый, с колоннами, клуб глухонемых. Бабушка говорит – будто Большой театр, мол, очень похоже. Глухонемые, в основном ребята постарше, ходили в свой клуб каждый день, что-то там делали до обеда. Удивительное дело – парней глухих много, а девчонок совсем не видать. Правда, однажды прибежал сосед, толстый Серега, потащил Мишку на улицу глядеть – там, совсем неподалеку, в густых пылевых клубах с диким ревом хлестались яростно меж собой глухие.

– Из-за бабы глухари схватились! Девчонка тут у них недавно объявилась, тоже ихняя, – шептал, будто его могли слышать, Сережка, – А заматериться, вишь, не могут!! Вот и мычат! Мне дак аж страшно...

Напротив, через дорогу, построили недавно пару высоких красных многоэтажек. Туда заселилось много людей, и ребят ровесников тоже стало рядом – уйма. Сперва Мишка с толстым Серегой опасались с ними общаться – побьют, как пить дать, их там целая ватага, но однажды, цветущим майским вечером все же пересеклись у водяной колонки, рядом со своим деревянным домом, благодушно высыхающим на весеннем ветру после стыллой зимы.

– Ааа, это вы тутошние?! А мы глядим – посоны какие-то шныряют! Пошли на ту сторону, за улицу? Мы дак щас идем на «букварь» борзых колотить, – предводитель кодлы с но-

вых домов – высокий и огненно-рыжий, с веселыми глазами, – Да не бойсь, вы ж с нами! Я – Дюша! Давай, хватай, вон рейки валяются, да пошли. Или каменухи может есть?

Сережка сосед, сопя, вытащил из-за пояса рогатку на аптечной резине, добротную. Кто-то из новых друзей, жилистый и борзый, выхватил рогатку из его пухлых пальцев, пошла по рукам каменуха, пиши пропало.

– Тебе зачем, пухлый? – резонно спросил кто-то из толпы, успокаивая, – В тылу у нас будешь, не ссы...

– Ээээ, Фома, а ну отдай, – скомандовал рыжий, – Держи обратно, целься там получше токо. Как тебя, Серега? Ну, давай, пошли...

Жизнь настала новая. Мишка на крыльях летал целое лето – до того радовался ватаге, тем более, что пошли с сентября новые друзья в их же школу, в соседний класс. Надо сказать, среди Мишкиных одноклассников имелись пацаны, из-за которых ходить на уроки особо не хотелось. Мало того, что шпыняли без конца толстого Серегу, крупного, но слишком доброго и скромного, раздавали тумачи всем, направо-налево, с шестого класса дымили прямо на уроках, на портвейне плотно сидели, да это бы полбеды. Хуже всего Мишке приходилось, когда на перемене окружали его толпой в коридоре, и один, с гадючьими глазами, шипел, но чтоб всем слышно было:

– Ну, чо, Моше Аронов-жид – по веревочке бежит, мацу жрал сегодня? Мож, мене осталось? Ну-ка, пацаны, тряха-

ни его ранец, поди там папка-яврей ему заначку какую отсыпал...

Прочие ребята и девочки отворачивались, становясь будто непричастными, но всё видели и слышали, поэтому Мишка каждый раз кидался в драку, молотя куда попало кулаками, бывал бит и ходил с фингалами. Дома бабушка и мать охали, жалели Мишку, а папка писал из-за Урала, куда уехал, и остался там на заработках, длинные добрые письма:

«...А еще, сынок, скажу тебе – на ребят не сердись, и потом, вырастешь, привыкнешь, что любить тебя только родные могут, и то – не обязательно. Вины твоей, и моей в том нет – так сложилось в мире. Знай, мальчик, – ты мой самый родной, и хочется мне для тебя счастья. Маму и бабушку поцелуй. Да, не забыл чуть – я тебе пальто справил хорошее, с цигейковым воротником, хотел сам привезти, только захворал. Отправляю поездом с проводником, телеграмму дам. Носи на здоровье, оно теплое...»

Детство и юность мелькнули солнечной весенней радостью, отшумели пыльной тополиной листвой, закончились техникумом, срочной службой в танковом учебном полку под Самарой, сумбурной женитьбой и бабушкиной с мамой могилками. Стало быть, думалось Михаилу, теперь-то любить меня вовсе некому. Старый его, родной до боли, измученный временем, дом давно снесли, друг Серега после армии так бабу и не нашел, тихонько пил в общаге, работал экскаваторщиком, по выходным дремал с удочкой на зарос-

шем берегу городской речки, понемногу таская плотву своему коту на обед.

Мишка женился на крикливой, добродушной в общем-то, шумной девушке, в ту пору студентке педучилища, переехал к ней в квартиру в недалекий сонный райцентр, где ее большая, невероятно веселая и постоянно орущая семья занимала двухквартирный барак, зажил в суете, зато накормленный ежедневными щами с разъехавшейся капустой, обстиранный и не одинокий. Жизнь текла гладко, методично, но, на его вкус, чрезвычайно суетливо и шумно. Казалось Мишке, будто жена Галина, теперь уже школьная учительница, мать троих детей, обладательница шубы и кожаных штанов является ничем иным, как переводной картинкой, слишком долго пролежавшей в блюде с тёплой водой, и теперь ползущей яркими лепестками в разные стороны, тонушей, теряющей цвет безделушкой.

Очень ему хотелось побыть одному, хоть изредка, поэтому ценил свой строительный вахтовый труд, уезжал, собираясь на смены с облегчением, увез на работу в вагончик самое ценное – с юности любимые, чудом не порванные детишками, книги – "Айвенго" Вальтера Скотта, "Последний из могокан" Купера и навсегда поразившую живописным ужасом жестокости "Конармию" Бабеля.

– А ты вот скажи мне, Мишаня, – заглушив экскаватор, топтался на скользкой от глины гусенице друг Сережка, выживал из-под сиденья бичпакет, колбасную подсохшую за-

гогулину и старый термос. Там у него кирпичной крепости чай, разбавленный водкой. Это вместо кофе коньяком, в обед-то можно. Котлован они строят для чего-то очень большого и нужного, не близко – километров за сто от города. Прораб явится к вечеру, если вообще приедет сегодня. Знает, что Мишка Аронов человек малопьющий и в целом положительный, экскаватор утопить в глиняной жиже не даст, за сварщиками приглядит, уровни сам теодолитом отстреляет, на ночь вагончики обойдёт, чинарики потушит, чтоб не погорели бродяги.

– Да, ну вот, значит, – подобрался, выкорчевывая из грязи кривые ноги, к бытовке, Сергей, – Ты помнишь Андрюху-то Ефимова? Ну, Дюша рыжий?! Во-во, с "В" класса. Так он всё, того...

– Мелешь? – удивился, вдыхая капустный дух из суповой домашней банки, Михаил. Опять жена из недельной колбасы суп варила. А ведь сам на выходных покупал говяжий набор, захотелось вдруг, как у бабы Жени шей. Да ведь не переучишь. Ребятишек жалко, конечно, все ж таки трое – две девчонки и паренёк. Миша замер, погрузив ложку в прихваченное белыми ободками застывшего жира горло банки. А чего жалко? И не понять. Ведь Галя – мамка их родная, дома же еще тёща-бабка, полоумный тестюга алкаш, безработный шаромыга шурин. Сплошные родственники. Дочкам вроде и хорошо живётся, а сынок, кажется, грустит. Маленький курчавый третьеклассник.

Интересно, когда заезжает к Галине вечером её кобель, увозит куда-то за гаражи, или на трассу, а иногда в город, песни в караоке петь, сын смотрит из-за занавески вслед маме, как идёт она, обтянувши клеенчатыми джинсами свои немного съехавшие вниз ягодицы? Выдумки. Мал еще паренёк, чтоб понимать-то.

– Да вовсе не мелю, – немного даже обиделся Сергей, заваривая потрескивающую лапшу в эмалированной оббитой миске, – Ты слушай лучше. Помнишь, была девчонка, помладше нас, лет на пять, жила в книжном? Батя у её был ещё директор комиссии, наряжалась всю дорогу?

Мишка рассеянно кивал, отставил свой суп, по карманам шарил сигареты. Этот, мужик-то Галькин, вроде бы мент. Значит, он за рулём слегка подшофе, везёт её недалеко, за рощицу у кладбища. С ней он, конечно, немного пренебрежителен – не молодуха, чего ухаживать-то? Берет её за мелированный светлыми перьями затылок и это... Дальше думать неохота. А при чем тут сынок, спрашивается? Аааа, яснее ясного – мужик этот смотрит иногда, видит пацана, думает – о, такое ж ничтожество растёт, как рогатый батя.

– Ты слушаешь, Миха? – у Сергея на красной под ноябрьским стылым воздухом толстой шее стоят дыбом белесые волосины, ворот клетчатой рубахи давно пропитался кожным салом и не стиран явно с начала вахты.

– Ну вот, Андрюха гулять-то любил, помнишь? А тут, летом, приходит к нам в общагу, к пацанам с девятого СМУ,

поставил, как положено. Говорит – всё, чуваки, шабаш! Желюсь, потому – влюбился. В Жанку, в эту с книжного, смекаешь? Ну, ты уснул, что ли?

– Слушаю, рассказывай дальше, – вздохнул Михаил, с ненавистью глядя на свой суп. Только ведь вчера был дома, на выходных. Жена обнимала, шептала что-то в ухо, изо рта у неё пахло приторной винной кислятиной. И тесть, и тёща, наверное, знают. Хихикают, мол, так его, дочка, раз телёнок. А шурин, как пить дать, ещё и курит с этим, когда придётся, цокает по свойски языком, теперь у нас тут свой мент имеется, другая масть в посёлке, значит, пойдёт. Тоска, а злости-то и нет. Никакого желания раздавить РОВДшный УАЗ вот этим, например, экскаватором. Или выщелкнуть жене парочку мелких зубов. Или ещё что, пострашнее.

– Ну вот, женился Дюша летом, а в октябре его так крепко дома достали – пырнул он, значит, тёщу, хлеботорезом, тут жена в крик, он и её тоже... Трезвый, главное дело. Вспыллил, выходит. В себя-то пришёл через минуту, да с балкона, с девятого этажа и сиганул. Прямо на крыльцо продуктового прилетел. Дак самый прикол, смотри – стервы эти обе живы, не дорезал, то есть. А сам Андрюха – в досках. Во жизнь! Чай будешь? С водочкой. Пуншик получается...

– Серёга, у тебя баба есть? – вздыхал, хлебая холодный суп, Михаил.

– Так это, конечно, – скосив глаза, кивал, выдавая ложь напускной небрежностью, толстый друг, – У меня же, сам

знаешь – Светик постоянно, а ещё тут закурилось с этой, как её? А, черт, ну во – Машка, штукатур... А чего?

– Да ничего, – пожал плечами Михаил, вставал, снова закуривая, отставил банку с едой, – Я тут подумал – время сейчас такое. Не простим потом себе, если в стороне будем. Ну, и Машке расскажешь, опять же. Со Светиком вместе. Так что, давай к концу недели собираться, братан.

– На войну, что ли, решил? – Сергей, крякнув, осадил разваренные макароны своим пуншем, кивал, вытирая красные щеки, – По мне, если компанией – дак запросто. Слушай, а чего ты суп не ешь?

– Угощайся, он хороший. Горьковат только мне показался, и холодный слишком...

Над полями ветер несёт незастывшую влагу. Вчера выстудило, и с обеда наискось повалила снежная колючая крупа, хотела непременно попасть за воротник бушлата, под задубевший шлемофон, на тёплое тело.

– Што ж за весна такая, – стуча зубами, пристраивался снаружи на решетки моторного отсека, подтыкая розовое куцее одеяло под тощий зад, наводчик, маленький, с белыми детскими ресницами Рома, костромской неунывающий «срочник». Ему в июне бы на дембель, обратно к невесте, слушать соловьев над Волгой, да занесло после переформирования с Сормово сюда, за Северский Донец, оттаявший, быстрый, весь в омутах, сердито бурчащий на перекатах.

Некоторые-то пацаны с его дивизии рапорта быстро написали – не положено на юг, на операцию, которые по призыву, и все дела. А Ромка задумчиво поскреб затылок с отросшими белыми кудрями, исполняясь гордости за себя, сказал замполиту:

– Поеду, чего уж, тащ майор. Только экипажа нет, забоялись ребята. В хороший меня переведите.

Ну и назначили, к вологодским, после реформирования прибывшим в составе 47-й гвардейской дивизии с Мулино. Жить можно, ребята спокойные.

– Слышь, Серя, заведи хоть на пять минут, остыло все к хренам собачьим.

– Ещё чего, – буркнул, не показываясь из-под чуть сдвинутого блина своего люка, мехвод, толстый добряк Серёга, – Керосина осталось – кот заплакал. Слышь, командир, надо на связь выходить как-то... Не то нашему пылесосу на километр горючки хватит.

Михаил вздохнул, в бинокль оглядывал бесконечные поля, исчерченные кое-где оврагами, горбатый обвалившийся элеватор на юге, дальше – переплетение арматуры, бетона и горелого дерева. Давно там всех убили, даже дым не идёт. А теперь ещё останки похоронит весенним снегом, опять примерзнет, потом оттает, пару раз будет перемешано миномётными залпами, и под конец надёжно утрамбуется танковыми гусеницами. Вот и все – следов от той жизни не осталось.

Михаил, привычно скрючившись, всунул обратно в баш-

ню прозябшее тело, избитое танковым нутром, богатым на железные хищные загогулины. С безнадежным сожалением потыкал замолчавшую навсегда после попадания радиостанцию, спросил сам себя, а заодно гремящего чем-то внизу, под ногами, в своей норе мехвода, похудевшего за месяц, грустного, с жалобно отвисшими щеками, Серегу:

– Так и не понял, что это прилетело? Не кумулятивное, точно. Снаружи коробки «Реликта» послетали, а не сработали. И дырки нет. Фугас поди какой-то... Вот рация и накрылась. Хорошо еще, вычислитель пушки живой. А то – как бы стрелять?!

– Да по кому нам стрелять-то? – отозвался Сергей, чиркал зажигалкой, закуривал, – Топлива почти нет. Куда хоть ехать? Ты, Миша, вот что – вылазь, да проводку-то, жгуты, проверь еще, пошевели хорошенько. Может, запоеет наша шарманка.

– Да уж сто раз, – отмахнулся Михаил, – А думать нечего – на севере город, слышь, вроде, бухает? Или мне блазнит... Километров десять до него. Мы прошли по понтонам через реку вчера вечером, отмахали, говоришь, километров десять оврагами. Около трех ночи ПТУРщики нас с опушки шуганули... Зажгли танк сто первый номер, на девяносто шестом гуся слетела... Мы задом, закрывали их, помнишь? Потом «Верба» орал по радио – отход, мол, «мотолыга» еще экипажи снимала.

– Да помню, помню... Тут нас и накрыли фугасами, ли-

бо «Градами». Ну, я и покатил напролом, вниз, через ручей. Зато живы.

– Покатил, да не в ту сторону, – с сожалением погоревал Михаил, натянул опять шлемофон, кряхтел, пристраиваясь, как лучше снова вылезать наверх, не оббивая старые синяки, – Эх ты, Серя-засеря... Увез черт знает куда. Это ж, наверное, фашистский тыл, едрена мать...

Рома-наводчик вдруг, гремя ботинками и коленями, прополз по броне, юркнул в башню, сделал страшное лицо с выпученными голубыми глазами, зашипел Михаилу:

– Командир, слева – двести метров – люди!! Вон, за бугорком. Переползают вроде! Давай крутану башню и фугас досылаю!!! Толстый, не заводи пока! Тихонечко, влупим щас...

Михаил лег животом на влажное темя башни, обшаривал биноклем белеющее под быстро тающим снегом поле. В утренней дымке, перебежками вдоль канавы, за кисеей голых ивовых ветвей, мелькали темные размытые силуэты. Вроде трое. Как раз расчет ПТР. Похоже только, танка нашего они пока не видят. Сережа толстый с утра удачно заглушил свистящий турбиной Т-80 в плотном кусте на обочине.

– Отставить фугас. Башню аккуратно поверни налево. Рома, гляди в оптику. Наблюдать!

Сам Михаил бережно стянул с «Утеса» изодранный чехол, качнул люльку пулемета, медленно сопровождал семенящие фигурки длинным, сизым, с поволокой перегрева, стволом. Можно бы стегануть их короткой очередью, вот, сейчас вы-

скачат на открытое место и полягут, изрубленные большими зенитными пулями. Уже близко, а танка все не видят, даже ворчание механизма поворота башни не слышали – звуки от них уносит мартовский ветер.

– Эээ, командир, погоди! – зашипел из брюха машины наводчик, вцепился в сержантское Михино колено, – Там один ребенок вроде, в окуляре совсем мелкий. Может, местные спасаются...

– Какой еще ребенок?! Не вижу ни черта. Снег валит, еще и с дождем, – Михаил отвел взгляд от пулеметного прицела, пока нашарил на шее бинокль – фигуры исчезли, будто провалились в жирный непролазный чернозем, – Видишь ты их, Рома?! Глаз не спускай. Щас посигналю чем-нибудь, погоди. Пусть выходят – руки кверху.

Мишка быстро нырнул в башню, нашел командирский фонарь, выудил из оружейки за наводчиком его АКСУ, стараясь не греметь, пополз наружу. На корпусе, прямо за башней, откуда ни возьмись, – уже стоял мужик в намокшем грязном армейском бушлате и вязаной шапочке и целился Михаилу в голову, надежно примостив цевье СВД на сгиб левой руки.

– Ты это, командир, – голос у немолодого партизана хриплый, простуженный, – Руками не крути, автомат в башню бросай обратно, ладно? Ну и вылазь. Медленно только.

Михаил разглядывал заросшее черной, с седыми прядями, бородой грязное лицо за зрачком винтовочного прице-

ла, автомат не выпустил, чувствовал, как копошится внутри танка, задевая его онемевшие ноги, наводчик Рома, наконец, спросил, немного уgomонив скачущее сердце:

– Ты откуда, славянин? Чей будешь?

– Сам отвечай вперёд, сержант, – хмыкнул партизан, чуть качнул стволом винтовки, – однако, ты у меня на мушке. Да пусть твои внутри не суетятся. А то катну вам гранатку в башню-то... Ну?!

– Сорок седьмая танковая, – нехотя проговорил Михаил, медленно отложил автомат, примерялся схватить стрелка за ноги, да тот стоял далеко. Если только дёрнуть за ствол. Нет, не успеет выскочить Ромка, и автомат его тут, на броне сверху.

– А буква-то где ж? Не вижу...

– Глаза разуй, дядя, – с досадой мотнул небритым подбородком направо Михаил, показывая на выведенную нитрой по коробкам "Реликта" белую острую «зет». Серега толстый рисовал в Белгороде. Будто вчера.

– А ты не рычи, танкист, – примирительно поднял ствол СВД кверху партизан, – Мы тут тоже. Не на прогулке. Казаки мы, понимаешь? Чего тут кантуетесь, одинокие? Где наши – ваши-то?

Михаил выбрался окончательно на броню, скрывая раздражение на себя, что позволил этому бородатому дяде взять в плен целую пятидесятитонную машину с экипажем, сопя, чехлил "Утес":

– Наступали южнее города. Накрыло фугасами на переправе. Сперва ПТУРщики рассекли колонну. Потом какая-то блядь цели гаубицам отметила. Нас то есть. Ну и рванули мы от огня оврагами, рация вон в хламину... – махнул рукой на облысевшую, лишенную коробок динамоброни, чёрную с рыжиной правую скулу башни, – Слышь, дядя, в город нам надо. К своим на помощь. Там их фашисты прижали. Дорогу покажи?

Партизан покачал головой, тихонько свистнул пару раз в сторону оврага, вздохнул, доставая раздавленную пачку сигарет:

– В город теперь спешить ни к чему. Там с позавчера не фашисты – поляки подошли. Вот они сбоку колонну и разрезали вашу. Мы видели отсюда, с окраины поселка.

– Что ж не помогли, раз видели, индейцы, вашу мать? – Михаил постучал по башне, приглашая экипаж вылезать на перекур, – Мы ведь вам на помощь пришли. А вы – по норам. А там ребят наших жгут...

– Ты не ори, сержант, – спокойно пожал плечами мужик, – как помочь-то, дурак, что ли? Мы в разведке вдвоём. Частот и позывных армейских не знаем. А разведка-то ваша где была? И вообще, – добавил тише и совсем дружелюбно, – Я-то с севера, с осени тут пластуном. А про местных ты аккуратно, настрадались они. Ни жён, ни детей не осталось... Вот, знакомься, кстати – это Мыза, Николай в смысле, он с Луганщины, с Лисичанска, а это – Матвей, парнишка и вовсе

тутошный, с Каменки.

Рома-наводчик и Серега с любопытством разглядывали бородатого снайпера с замотанной грязной белой марлей для зимней маскировки, видимо, винтовкой, выдавшей виды, но бережно пристроенной на шее наперевес; настороженного редкозубого автоматчика Мызу в жёлтых трофейных ботинках и мальчика с сосредоточенным закопченным лицом.

– Ну, куда теперь, славяне? – угощая чаем из мятого термоса, между делом интересовался бородач, – Я, кстати, Георгий, Жора, если коротко. Мы потихоньку обратно к своим топаем. Фронт отрисовали, надо комбату доложить. Кстати, как раз вас и ждали со дня на день, армейцев в смысле. Вводные на позавчера ещё не пришли по наступлению, а вы уж вон куда двинулись. Чудно, Господи... Вы, часом, про вторую колонну, с юга, не в курсе? Говорят, там где-то ещё Росгвардейцы по шоссе чешут... Как бы тоже под панов не влетели...

– Да мы вторые сутки без связи, ребята, – расслабившись, хлебал чужой чай Роман. Его отпустило напряжение, тараторил наводчик вприкуску с сигаретой без устали, – Нам бы к Донцу вернуться, глянуть. Может, наши закрепились на этом-то берегу? А то мы, получается, без вести пропали. Или, того хуже – дезертиры... Подсобите разведкой пешим порядком? Вернемся к городу, а?!

– Не дотянем до переправы, – грустно гудел Серега, – Керосина на дне...

– А, да-да!! – вдруг радостно подтвердил Мыза, оскалив резиновый рот. Он слегка заикался, и скрученная розовым рубцом верхняя губа ползла к уху, открывая детские бузубые десна. – М-е-е-еня такими танками в том г-оо-оду давили бандеры... Это ж «восьмидесятка»?...

– Да, пылесос наш, – покивал, вздыхая, Михаил, – Зато прёт – быстрее легковушки. Ну и топливо, как в трубу...

Георгий присел сзади на корпусе, с надеждой, как недавно Роман, щупал остывшие решетки МТО, достал из рюкзака горбушку хлеба, кормил мякишем мальчика, будто голодного, нахохлившегося воробья.

– Не, мужики, – изрек снайпер через минуту. То, что он в разведке старший, Михаил уже понял. И что не военный совсем, а так – доброволец из гражданских – тоже ясно.

– К Изюму обратно – вам не с руки. Если бы дивизия перешла – уже бы отсюда перли на север, город охватывали. Вы Донец понтонами переходили? А после, вас уже на этом берегу звезданули с гаубиц? Значит, наши развернулись, пошли тем берегом выше. Там броды есть... Тихо ведь, слышите?

Он поднял палец, многозначительно велел всем замереть. Мальчик перестал жевать хлеб, и Серега-мехвод тоже застыл, не успев до конца смахнуть с кончика носа прозрачную соплю. Ветер стих, снежный заряд утратил силу, последние белые парашюты хлопьев утонули в грязи и пропали. Небо проясняться, конечно, не собиралось вовсе, теперь налива-

лось потихоньку мартовской хмарью, хотело пролиться дождиком. В стороне реки, действительно, не слышалось ни звука, только бухало методично – «Та-да-дамм» – где-то южнее, откуда прибежали полями партизаны с пацаном. Изюм же за бугром безмолвно исходил к небу пеленой дымных столбов, окуривал подслеповатое солнце, и молчал, притаившись.

– Вот что, ре-е-ебята, – Мыза зашептал вдруг увлеченно, вполголоса, будто боясь спугнуть тишину, – Слышите, за Каменкой самоходка шастает? Ну, это она па-а-алит... Как бы нам с ней разобраться? Похоже, гоняет между оврагов полями. Прикрытия мы там не видали. А батальону житья не даст. Комбат «Грачей» покричит – а ее уж след простыл... Ка-а-абы вы ей жару дали? Мы вас окраиной поселка низиной выведем к полю, дальше я по ручью проползу, и дымом место помечу. Наверняка она недалеко, километра д-дваа...

Опытный Жора посмотрел на Мызу с сожалением, убрал остаток горбушки и термос в щедро пропитанный землей рюкзак, вздохнул:

– Там, Коля, батарея, видимо, а не одна арта. Слышишь ведь – три раската в залпе. Да в овраге пулемет мы точно с тобой слышали, ну и ПТУРЫ там же, поди. Зачем ребятам гореть? А если по делу – айда с нами, сержант. Заводите коробочку, катитесь на малом газу следом. На-ка вот, УКВ-шку, рацию тебе дам. Время конкретное установим для связи, покричу тебе, что все чисто. Только заряду в батареях не густо, по часам связь держать будем. За Каменкой – поселок

вот этот – длинное поле, дальше вторая трасса, на восток потом – большая рабочая переправа. По ней наши идут. Вот примерно туда доведем вас. Ну, это если повезет. А не повезет – вместе повоюем. Напоследок.

Михаил с тоской поглядел на дымный горизонт над притихшим в десятке километров городом, в котором с утра уже должна была стоять родная сорок седьмая дивизия. Видимо, прав партизан Георгий – не доехали до города коробочки. Раздёргали на переправе гранатометчики, накрыли с гаубиц и «Градов» фашисты, уничтожили боевое охранение, рассеяли голову колонны. А местные встречать цветами так и не вышли. Откатились, выходит, танковые роты назад, к Волчанску.

Делать нечего, надо с казаками вместе к своим выходить. Только машине горючего на километр хватит. Что ж потом, рвать почти неповрежденную «восьмидесятку»? За это – под трибунал, хотя, кто там разберет, потом?..

– Я танк не брошу, – упрямо мотнул Михаил головой, стянул шлемофон, сырому ветру подставляя бритую голову, – Сейчас местечко разведаем получше, задом заедем, будем фашистов ждать. Повоюем еще, так, ребята?

Экипаж мрачно молчал. Толстый Сергей, сопя, полез в свой люк, устраиваться за рычагами, Роман нацепил за спину АКСУ, собирался в разведку, оглядывать окрестности.

– Да погоди ты, чего пылишь? – рассмеялся, щуря карие глаза под лохматыми бровями, Георгий, – Рыжий, хватай ка-

нистры, и с нами давай. Да и ты, слышь, как тебя, мехвод?! С полкилометра бензовоз в канаве лежит. Наша заначка. В нем дизель, вам пойдет же?! Ну, вернетесь, зальете зверю жорева. А потом-то, подъедешь, рядом не вставай, там водонапорка рухнула, заныкайся за развалинами. Ну и натаскаете себе, на дорогу, думаю, хватит... Ну, пойдёт этак-то?

– Пойдет, Георгий, – Михаил пожал снайперу руку в дырявой хозяйственной нитяной перчатке, улыбнулся, отпуская натянутую струну безнадёги, – А ты правда – с северов, что ли? С города, или как? Мы, вон, с Серегой, – тоже! Земляки, выходит...

– Тугодум же ты, братан, – засмеялся тихонько партизан, – Чего ж до завтра не подождал спросить?

– Да кто тебя знает, может, – фашист ты? – примирительно и почти с теплотой пожал плечами Михаил, – Ну, показывай, куда нам. Давай пацана на броню, чего ему грязь месить?

– А ничего, пусть помесит. Он, видишь ли, от костлявой чудом ушел, что ему судьбу испытывать, на железяке твоей – ПТУР ловить – ехать? – возразил Георгий, спрыгнул с танка, махнул рукой, – Разворачивай коробочку, земляки!! Поехали, покуда, на восток. Даст бог, сюда вернемся...

3

*Плевелы – сыны лукавого;
враг, посеявший их, – дьявол;
жатва – кончина века,
а жнецы – ангелы.*

(Евангелие от Матфея 13:39)

Бабушка у Виктора, скорее всего, была татарка. Поэтому-то и батя, ответственный опытный мастер механического завода, уважаемый многими в той, пропавшей тридцать лет назад стране, – был черноволосым, со светло-карими, даже рыжими, пронизательными глазами. Виктору по юности от отца доставалось частенько – за курение в школьном туалете, за игру в лоснящиеся полустертые карты на вино в спортивной школе вместо тренировки, за продажу одноклассникам черно-белых фоток голых женщин с распущенными роскошными волосами.

Бабка с дедом приезжали в гости редко, раз в пару лет. Привозили из далекого Волгограда деревянный ящик с прелыми сладкими абрикосами, большой арбуз в темно-зеленой шкуре, уже одрябший за время путешествия в поезде, и посылочный ящик с вяленой каспийской воблой. Бабушка крепко обнимала смущенного Витька, трепала узловатыми пальцами за уши, слюнявила ему щеки, кричала отцу:

– Чтой-то, Вовка, парень твой этакой – гляди, отвык от

бабки? Да поди ж, Витя, деда-то обойми хоть!

Дед напротив, степенный, немногословный, кряжистый своей будто каменной крестьянской фигурой и лысой головой внушал Виктору уважение. Одна нога у деда Егора осталась на войне, как раз на Мамаевом кургане в Сталинграде, где он теперь неподалеку и проживал в заслуженной от государства квартире. Говорил дед мало, про войну и вообще помалкивал. Один только раз, когда восьмилетний внучок озоровал над приехавшим погостить дедом, обстреливая ему лысину бумажными шариками из сломанной шариковой ручки, Егор Ильич окликнул пацана, поманил железной рукой в седом старческом волосе:

– Витька, ну, подь сюды! Иди, не боись. Дай-ка руку, нащупай...

Дед словил детскую пухлую ладошку, положил себе на затылок, на шею, куда недавно прилетали бумажные мякиши. Там под кожей, под багровыми рубцами катались острые железки, давили, видно, деду на позвоночник и на крепкий череп.

– Вишь, там чего, малец? Это немец мне осколки засандалил... Почитай уж сорок лет прошло – а все еще спать мешают. Ноги-то нет – Бог с ней, а вот голову на подушку не пристроишь – тут дело хуже...

– Ты не говорил, деда, – проямлил Виктор, чувствуя, что пришло время реветь, – Прости меня, я не буду больше.

– Пустое, – дед махнул рукой, – Не сержусь. Потом как-

нибудь письмо тебе напишу. Ко Дню Победы. Расскажу, что вспомню. Может, интересно будет...

Письмо он и вправду написал будущей зимой, да такое толстое, что отправил его в белой тряпичной, облепленной сургучами бандероли, вместе с шоколадкой внуку и пуховой шалью для снохи. Написано было разными чернилами, на простых, чуть желтоватых листах без линовки, аккуратным, старательным почерком выпускника четырехклассной первой ступени Единой трудовой школы РСФСР образца 1926 года. Дальше деду учиться возможности не было – плотничать начал с восьми лет, а уж с двенадцати в полную силу орудовал пилами да рубанками.

Витька с удовольствием разбирал дедовы рассказы, думал, вот найду сейчас описание геройского подвига, да как раз и перепишу про это в школьном сочинении к девятому мая. Подвига в письме, увы, не обнаружилось. А было странное, про ночь перед первым боем, непонятное тогдашнему школьнику и потому пугающее.

Сентябрь был, первые числа. В степях палило, все кругом – сушь, пыль столбом, арыки пустые. Шли мы от Астрахани к Камышину, переодели уже, значит. Меня в артиллерийский дивизион, мол, сперва, на подготовку хотели. Ну, а по дороге ясно стало – идем напрямиком к Сталинграду. Значит, там и бой принимать. Никто уж про отдых и не думает – сразу бы в бой. Такая маета на сердце.

На ночь встали где-то, местечко чуть в стороне от боль-

шака, МТЗ большой, школа. Нас-то три батальона, много. Того и гляди налетят «Лапотники». Так командиры по куштам разместили, костры жесть не велели.

А мне повезло – в школу с ротой штабной на караул заступил. Одно слово – штабная. Кто ближе к голове колонны шел, того и штаб охранять определили. Ну, я свою вахту отстоял, только лег, слышу – толкает меня боец с караулки, калмычонок. Выходи, говорит, Егор. Там к тебе тетка твоя пришла. У нее на поводке коза, да лепешки в торбе. Поди, возьми на всех. А то, может у ее и молочишко есть? Раз с козой шатается.

Ну, думаю, подвох какой-то. Чего, говорю, мелешь, Васька. Сроду тетки у меня не было, тем более до дому – тьма верст. Делать нечего, пошел на воздух. Ночь темная, да душная до смерти. Насекомые жундят, сверчки. Стоит, понимаешь, чуть поодаль от света, что от караулки падает, женищина. Сухая, маленькая, платок накинут на голову и на плечи. И точно – рядом на веревке козочка ходит, беленькая, озорует вроде как, копытцами пыль поднимает.

Иди, говорит, сюда, Егор. Я тебе кокурки принесла, ша-нежки то есть пресные это... А ты, будь добр, отдай мне сапоги свои. Тебе вчера новые выдали. Так они завтра уж тебе не понадобятся. Ну, удивляться мне тут некогда. Ты чего, говорю, тетка, сдурела? Как я тебе сапоги отдам, мож еще и винтовку попросишь? Меня же в трибунал сразу, да к стенке. И откуда имя мое ведаешь, и с чего это, прости

господи, сапоги мне не нужны будут?

А она улыбается и вздыхает. Так завтра тебе в бой, неразумный. Уже кирзачи носить не станешь, глупой парень.

Ну, заорал я тут на нее, погнал, исчезни, говорю, ведьма, куда к особисту не отвел. Повздыхала, говорит – кокурки хоть с утра съешь, авось помилует тебя лихо. Да и исчезла будто, вместе с козой, только чуток отвлекся.

Утром налетели сперва «Юнкерсы», потом зарычали под балочкой танки, нам команда – сбить с перекрестка немцев, и на соединение с соседним полком. А фриц садит из-за бугра с минометов, ну, поднялись в атаку. На второй перебежке чую – кто-то ка-а-ак саданет мне дубиной по затылку, да сразу по спине, да в ногу. Сзади как раз Васька-калмык бежал, блазнит мне, будто это он прикладом мне засветил. Обернуться хочу, а нет мочи. В глазах темно.

Потом-то сутки в воронке лежал, пока санитарочка приползла. Пошевелиться не мог, ворона измочаленную мою ногу исклевала. А дальше – осколки в шее, да в пояснице. А нога – сам, внучек, видал – липовая у меня. Вот не верь после такого ведьмам. Сапоги и вправду больше не пригодились, комиссовали в чистую. Кокурки я все ж таки съел перед боем. Поди-ка, потому и живой...

Дед с бабкой померли в далеком Волгограде как-то очень скоро. Только и осталось от них – воспоминания о вяленой вобле в посылочном фанерном ящике, да вот это единственное дедово письмо.

Витькиному отцу – тому, что был уважаемый и справедливый, однако, крепко пьющий по выходным дням, проломили голову как раз в очередное воскресенье прямо в рюмочной в центре города. Мамка без бати помыкалась немного, ее быстро настиг инфаркт, еще до пенсии, успела все-таки увидеть дочку Виктора, порадоваться полгода долгожданной внучке, да и отправилась с облегчением вслед за мужем в облачные хмурые дали.

С родителями Виктор, после Школы милиции, командировок на Северный Кавказ и суровых будней старшего районного оперуполномоченного, быстро повзрослевший и ставший чугунно-непроницаемым, виделся редко. Отцу накануне смерти не ответил на звонок. Мать потом сказала, что батя вечером своего предпоследнего дня набрал сына на мобильник, когда тот не ответил, с сожалением покачал большой седой головой, пожаловался матери:

– Вот, Лена. Всегда у Виктора дела. Понимаю – служба...

– А ты чего хотел-то, Вова? Завтра он, может, на обед придет. И поговорите как раз.

И правда – Виктор на обед заехал, но батя уже домой не пришел. В это самое время лежал на коричневом кафеле в пирожковой с разбитой головой. Преступник бежать и оправдываться не думал, пожимал плечами, бубнил, мол, на зоне по рецидиву и не хуже – кормят хотя бы регулярно. А зачем незнакомого мужика по голове обрезком трубы саданул – так тот лавэ не поделился, да и послал еще. Виктор на

допросе в изоляторе сидел рядом со следователем, слушал унылого душегуба:

– А чо, начальник? Мне утробу залить, всего-то голубенькую, ну сотку, надо было. А мужик – послал. Как мне стерпеть? Если первый раз уехал я в Воркуту еще по малолетке... Был бы мужик помельче, либо я покрепче – поломал бы его. А дядя-то, – бугай. Не совладать мне, – хихикнул, заваливаясь в туберкулезный влажный лай, убийца, – Ну я и приголубил его. Водопроводкой по темени...

Мама скончалась дома, совсем незаметно. Позвонили соседи, что не открывает второй день, и когда Виктор мчался в квартирку своего детства, беспрестанно набирая молчащий мамин телефон, уже знал – нет ее больше. В той квартире остались его школьные фотографии, детские рисунки, учебные тетрадки, любимые когда-то солдатики и книжки про героев.

Все личные вещи мамы, хранимые ею записные книги отца, свои тетради, рисунки и игрушки Виктор сжег на пустыре за городом, методично и не спеша, запивая каждое горькое воспоминание глотком водки. Крошечную родительскую квартиру продал, потому что такой боли, рвущей изнутри грудь, он никогда не испытывал, кроме как приходя в родной дом.

Время шло. Жена и дочка понемногу, но неумолимо стали совершенно чужими, хотя, как заведено было с самого начала, Виктора не осуждали за практически полное отсутствие

дома, за равнодушие, за раздраженное молчание, за слухи о его похождениях, безжалостно и услужливо доносимые жене участливыми жительницами райцентра.

На самом деле, их немые упреки, как и косые взгляды соседей и многих старых товарищей, капитан Виктор Зорин, конечно, ощущал. Только ему это было все равно. Потому что жить стало совершенно тоскливо, и в очереди на тот свет он стоял где-то близко к началу, во всяком случае, думалось ему именно так. Даже подруг новых заводил Виктор через силу, думал, что это уж точно крайнее, что поддерживает в нем интерес к существованию в застывшем мире захламленных обочин, облезлых домов и примитивных похмельных уголовников малого калибра.

С последней девушкой, с Галиной, познакомился, когда приходил в школу по приглашению отдела опеки проводить профбеседу с подростками. Молодые люди дремали за зелеными кургузыми партами, наполняя класс запахами юношеского гормонального пота, ковыряли в носах, пара переростков поела глазами свою учительницу, вызывающе выставившую под тонким свитером навстречу ученикам крепкий бюст. Была у нее модная удлиненная прическа, напоминавшая головной убор индейского вождя из белых и серых перьев, кожаные джинсы и достаточно тонкая для матери троих детей талия.

Пока коллега, толстая девушка-лейтенант ПДН с райотдела уговаривала школьников не употреблять разную дрянь,

Виктор на ухо учительницы шептал с каменным лицом откровеннейшие признания и тем же вечером в служебной машине говорил ей в рожице, у старого кладбища, почти не обманывая:

– Галюня, грудь твоя – мечта любого мужчины. Наверное, кавалеров у тебя – уйма...

– Что вы, Виктор Владимирович, – смеялась, розовея хорошеньким мультяшным лицом, учительница, – Какая там грудь. Какие кавалеры... Не жизнь – тоска. Работа – дом, работа – дом. Я уж и забыла, что я женщина.

Отдалась, однако, со всей страстью тридцатилетней крепкой, малоцелованной бабы и в апофеозе удовольствия, видно, не слишком к такому приученная, глухим, почти мужским голосом простонала: – Оооой...

Только и вспомнить осталось – Галю, чужую жену, учительницу математики с поселка. Дочкино лицо, если натужиться – еще появится, неохотно всплывая откуда-то со стороны затылка, а вот жену – хоть убей, не представить. Да и ни к чему. Опостылело до пережеванного, чужого чинарика, сырого и тухлого, все это прошлое.

Когда Виктор Зорин уезжал вместе с Росгвардией на комплектование в Ростов, пришлось понуро слушать увещевания и угрозы начальника Управления, молчать, мотать головой, мол, не заберу рапорт, что хочешь говори. Под конец выждал паузу, сказал полковнику фразу, решившую дело:

– Сергей Петрович, а тебе бывает тошно? Чтоб жить

неохота? Солнце не радуется, вместе с небом? Пусти от греха. Даст бог – вернусь с другими мыслями. А не отпустишь – застрелюсь завтра в дежурке...

В сводном отряде настроение приподнятое. Не у всех, конечно, но в основном. Никого силой ведь не гнали.

– Это вам, робя, не Чечня... Щас все по уму. Техники-то, гляди – тьмища, – вещает в курилке южнорусским мягким «гэ» толстый майор. Он вторые сутки в разгрузке, готов к маршу. На предложение армейского капитана, координатора со штаба – выдать бойцам плащ накидки, пусть и бэу, но «цифру», а не щеголять среди стремительно тающих полей милицейской камуфляжной «тенью», послал того:

– Та ты сдурел, безусый? В школу-то ходил ли, кохда я в Гудермесе бородатых колотил? Наше дело зачистка, пойдем маршем следом за твоими, та покажем бандере, как надо...

Капитан вздыхал, пожимал плечами, бормотал что-то вроде «понять бы, где ваши и где наши» и еще «хозяин барин» и уже издали, подкуривая у знакомого лейтенанта с роты связи – «долбан жирный».

В ясном мартовском небе часто мчались на запад и обратно заставляющие вибрировать воздух вытянутые хищные вертолеты незнакомых силуэтов с черными матовыми телами. Знающие люди с той стороны – отошедшие на перегруппировку какие-то разбойничьего вида партизанские батальоны с Луганщины – цокали на злых винтокрылых птиц, поясняли – «Аллигаторы» полетели. Щас вдарят по фашистским

самоходкам.

Зорин войну не ощущал. Во всяком случае, не больше, чем пятнадцать лет назад в Дагестане. Наверное, думалось ему, так всем тут кажется. Хоть и шепотом уже вчера кто-то обмолвился – в Гостомеле десант весь положили, южнее Харькова подошли свежие бандеровцы с Закарпатья и танков много, а в Сумах и под Черниговом – сплошь бело-красные флаги – паны оборону занимают.

На постановке задач весенний ветер относил и путал слова незнакомого полковника, командиры отделений переспрашивали друг друга, отмахивались, расходясь группами, собирались вокруг своих старших офицеров, вникая в немудреный приказ – следовать походным порядком, в охране нужды нет, армия далеко впереди, своя авиация прикрывает в постоянном режиме. По прибытии к месту назначения – через шесть-восемь часов марша – будут определены пункты размещения и комендантские цели.

– Товарищ подполковник, Палыч, слышь? – Зорин, погрузив свое отделение в рычащий «Урал», обежал площадку, уворачиваясь от выезжающих на трассу грузовиков, обнаружил у самого КП начштаба сводного отряда, которого знал еще по совместной учебе и задачам на усилении в Питере, благо тот служил где-то рядом на Северо-Западе, не в Петрозаводске ли?..

– Чего тебе, Витя? – подполковник выплюнул окурочек и мощно откашлялся, схватившись за бушлат Зорина могучей

красной лапой, видимо, чтобы уж со всей силой гудящих простуженных бронхов выдрать из них ком коричневой жижи.

– Что за команда прошла – по кой хрен в отдельные машины грузим РПГ, я видал – Ростовские сложили свои «Аглены» тоже, кто-то даже АГСы перетаскивает с отделений? Палыч, я «собаку» оставлю у себя в кузове, как хочешь... Еще попросить хотел – можно я «Метис» возьму? Армейцы утром передали Ставропольскому СОБРУ, а их майор – ну толстый, Берибаба, или как его – свалил прямо в фанерном ящике не распакованный в КАМАЗ, к прочим припасам.

– Не Берибаба, а Майборода, – сморщился карельский подпол, – Между прочим, он в 1999 году в Аргуне под ваххабитами с одним отделением двое суток простоял. Да забирай «Метиса», параноик. Армейцы наши уже Харьков обошли. По каким собрался танкам бить, дуралей?..

Восьмидесятый БТР, обляпанный позавчера в кустах за базой желтыми разводами поверх оливкового тела, лихо выскочил через горбатую обочину на трассу, зашуршало в рации:

– «Калина» – всем... Маршевой колонной. Без отставаний... Тронули, братцы... С богом...

Зорин подскакивал на пружинящем дерматиновом сиденье в кабине «Урала», пристроив между коленей АК, прикуривая с десятой попытки, бурчал водителю, бойцу-добровольцу, по-ярославски поющему в конце фраз волжским го-

вором:

– Твою же мать, Костя! Растрясешь в кузове людей, раз в кабине голова отрывается.

– Дак, тащ капитан, – орал тот, весело скаля крупные белые резцы, будто заячьи, – Велено ходом, не отставать за БэТэРоМ!!

В забрызганном приопущенном окошке летели мимо стволы голых еще, высоких тополей. Широкий асфальтированный шлях, уже помятый за месяц, чьими – не понять – гусеницами, стремился на запад, забирая к югу, к солнцу и к черным, оттаявшим полям, где на жирных пропаханных с осени зябях торчали тысячи белых чаек.

– Откуда столько птицы? – недоумевал, отлавливая на внезапных ухабах рулем тяжелоносый «Урал», водитель, – Тут, будто бы море рядом?! На наш юг похоже. Ну, типа, Сочи... В Эмиратах, например, не так... Да и в Турции...

– Ты за дорогой следи, море!! – Зорин назидательно тыкал в рыжий остов недавно, вероятно, сгоревшего автобуса на левой обочине, – Не в гости едешь. Фугаса еще словить не хватало. До чего боец ушлый пошел... Эмираты. Турция. Тут-то, какого черта делаешь?!

– Так я ж доброволец, тащ капитан. Срочную в дивизии Дзержинского чалил, ну, не усидел дома. Магазины свои на жену оставил, и погнал с ребятами. Кипу рванули в складчину с корешами, и приехали шоблой, договорились через СОБР. Мои-то братишки впереди чешут, в голове...

В воздухе крепко пахло талой водой, мокрым черноземом, вздутыми почками вербы и все весеннее небо Новороссии исходило птичьими весенними песнями, слышными только, когда сержант, в прошлой, еще вчерашней жизни, владелец магазинов Костя, орудовал кочергой коробки передач, сбрасывая обороты ревущего дизельным смрадом двигателя. Они шли в середине колонны, давая хороших восемьдесят километров в час, поспевая за головным БТРом, УАЗом штаба, санитарной «буханкой», новенькой КШМ на базе «Тигра» и КАМАЗами самарского СОБРа.

День понемногу перевалил на послеобеденные сумерки, задул ветер и ливанул крепкий дождь, неся вперемешку с ледяными каплями стеклянной остроты режущие кристаллы снега. Обедали без остановки, засыпая крошками пол в кабине. Зорин макал галеты в жестянку ветчины из сухая, совал водителю в рот вместе с прозрачными нитками мясного желе. Сержант хватал еду давненько не бритыми губами, сосредоточенно подруливая на начинающей киснуть дороге.

В очередной поворот, крутой, с подъемом в пологую горку, они въехали не быстро, притормозили, чтобы не кувыркнуть «Урал» вместе с людьми в глубокую канаву. Тучи все еще закрывали небо, выжимая из себя мартовскую сырость, но хватило солнца, чтобы увидеть – с правой стороны, из неглубокой балки, поднимая фонтаны грязи с гусениц и чадя синим дизельным дымом, разогнавшись заранее, на полном ходу выскочил на трассу Т-72, расцветенный в редкую

желтую клетку, напоминающую кресты.

Танк с размаху смел с дороги головной БТР, проехавший от удара в скулу по инерции на колесах левого борта еще метров двадцать, потом свалившийся на бок, в канаву, замирая там, глубоко воткнувшись стволом пулемета КПВТ в мягкую землю.

Комбриг – все?! – быстро подумалось Зорину, но услышал хриплый вопль в радиии, не понятно, правда, может, на КШМ или в УАЗе ехал карельский подполковник – начштаба, он и кричит в радию, а командир и правда, лежит со сломанной шеей на плече в перевернутом БЭТЭРе?..

– Я «Калина», танки справа, рассредоточиться, бой приня-а-ать...

– Што, штоооо, тащ капитан?!!! – орал водитель, бухнув двумя ногами в педаль тормоза, удерживая, наваливаясь плечами на баранку все равно упрямо ползущего в канаву «Урала», – Фашисты?!!

Машина скаканула передними колесами через бруствер обочины и с маху булькнула длинным капотом в затопленный мутной вешней водой левый кювет. Еще не успев открыть свою, теперь оказавшуюся выше водительской, а потому тяжелую и перекошенную дверь, Зорин внимательно глядел на будто бы застывшую картину мира через пошедшее сеткой трещин лобовое стекло.

Украинский танк крутанулся на левой гусенице навстречу колонне, уверенно перекрыв трассу, на время забыл сбитый

им в канаву БТР, повернул башню и из его пушки вырос багрово-черный бутон выстрела, стремительно мчащийся в голову Зорина, на самом же деле – мимо, ибо бестолковый ярославский предприниматель-доброволец Костя все же уронил грузовик в канаву, спрятав его в стороне от главной нитки колонны, куда метил танковый стрелок.

В пламени фугасного взрыва исчез УАЗ, КэШэЭмка, санитарная «буханка» и жарким выдохом повалило набок сармарский КАМАЗ с запылавшим тентом. Оттуда валились на дорогу бойцы СОБРа, катались, сбивая пламя, по ним не прицельно бил курсовой пулемет танка, тут же Т-72 дал чуть назад, выезжая из белой бороды дыма своего выстрела и еще раз ударил по колонне, уже за спину печально тонущему в канаве «Уралу» Виктора, и оттуда, сзади, рвался человеческий ор, и перло, обжигая, оранжевое марево смерти.

– Пацаны, пацаны, тащи «Метиса»!!! – во всю мощь завопил Зорин, высовываясь наружу, молотя кулаком зачем-то по крыше кабины, будто его могли слышать бойцы в кузове, под шевелящимся тентом, вспомнил, что ПТУР в деревянном ящике, и его, вероятно, никто все равно не слышит, оглянулся в кабину, потащил через руль и рычаги на себя оцепенелого Костю, у которого ноги и задницу уже залила поднывавшая по пояс болотная ледяная вода.

За поворотом, сзади, тоже разверзлись адовы двери – там из-за череды голых тополей, раздвинув густую ивовую заросль, высунул ребристый нос БМП с желто-синим флажком

на радиоантенне и увлеченно поливал колонну из башенной автоматической 30 миллиметровой пушки короткими очередями, не забывая добавлять из спаренного пулемета по паникующим людям.

Зорин наконец выбрался, ухнув по пояс с подножки в мутную холодную воду, таща за руку водителя, вскарабкался на обочину, залег, безнадежно выцеливая из автомата танковую башню. Бойцы его и без команды уже выскакивали из кузова, кто к нему, кто ринулся дальше, через кусты к лесополосе, отделяющей трассу от бескрайних полей.

– А «Грачи», «Грачи»-то где ж? – вопрошал рядом оглушенный боец, вроде бы кинолог, опытный парень, знакомый прапорщик, – Товарищ капитан, крикни хоть вертушки. С танком никак нам...

Грохот и вой стоял невероятный. Т-72 продолжал садить вдоль колонны, беззаботно расстреливая свою снарядную карусель, в которую, предусмотрительно, видно, набил одни фугасы. Зорин тоскливо подумал, может, попробовать достать с кузова хотя бы АГС? Да отогнал эту мысль, ничего автоматическому гранатомету с танком не сделать, а единственный дельный противотанковый ракетный «Метис» надежно забит в деревянный ящик и тонет теперь вместе с грузовиком в канаве.

Вот оно как, даже доехать не успели... В колонне – сводная бригада Росгвардии, больше тридцати грузовиков. В охранении был один БэТээР, лежащий нынче в канаве на

крыше, будто мертвый восьминогий жук. Так ехали-то – для комендантских задач... Армия? Армейцы впереди далеко. Кажется, так говорили с утра. Видно, подыхать время. Не самое, кстати, плохое. Весна тут. Погоди, Витька, можно еще через канаву, в лесок и полями, до своих...

Подобная мысль посетила многих в уничтожаемой колонне и, приподнимаясь на локтях, Зорин видел густо бегущих вправо и влево к оживающей «зеленке», ребят. Прикидывая, когда рвануть самому, все еще держа за шиворот закрывающего лицо Костю, у которого сквозь сжатые ладони текла изо рта утренняя каша, Зорин вдруг увидел расцветающие под ногами бегущих скупые пыльные бутоны минных разрывов. Ждали колонну, очень ждали. И теперь остатки уцелевших бойцов валяются снопами на заминированных обочинах, оставляя ноги в изжеванных окровавленных берцах в седой прошлогодней траве.

72-й сделал небольшую паузу в стрельбе, авторитетно и деловито двинулся вперед, между делом смахивая с дороги горящие скелеты машин. Сколько же он бойцов положил, сколько техники сжег, думал беспредметно и лихорадочно Зорин, задом, по-рачьи, сползая к своему «Уралу» за задний мост, не забывая тащить проблевавшегося бледного Костю. И как это у них теперь, герой чего?.. Пурпурное сердце, Почетный легион, Подвязки?... Фу, какая дурь. Небесная сотня?... Майдана? Да не... Советского Союза!! Он там сидит, командир танка, майор, наверное, еще советский, усы у него

вислые, как у «Песняров»... А чуб? Как у Тараса Бульбы, что ли?.. Нет. Просто приказ у него, видимо, такой... Как и у нас. Только мы-то не стреляли, а он нас сжег, всех почти...

Костры от чадающей техники и скрюченных горелых людей затанули и без того сумеречное небо. Дождик не переставал, лупил трупы, оплакивая их, еще не остывших. Бандеровский танк неумолимо приближался, Зорин уже слышал, как лязгнул люк, и увидел – фигура в оливковой куртке заняла место на башне возле пулемета, выискивая длинным хоботом зенитного пулемета уцелевших русских.

– Отползай и лежи молча, – прошипел Виктор в ухо Косте, раздумчиво выпрастывая из разгрузки маленькое хлипкое тельце гранатки РГН. Граната-то – не той системы... В кино про это было. Ручных противотанковых теперь не водится. А с башни эта малышка – скатится. Так что лучше подпустить впритык и резануть бандеру с автомата. Шансов мало, он нырнет в башню, да и раздавит, разомнет гусеницами капитана и сержанта вместе с грузовиком.

Свистеть вдруг начало, будто прогревалась паяльная лампа, громко и все сильнее, с западной стороны, почти с тех же мест, откуда нагрянули фашисты. Зорин увидел, как мнутя, уходя в землю деревца, и летят в стороны ветки ивы на подъездах к дальнему перекрестку, и уже почти совсем скукожившись под тенью наползающего 72-го в странной, крестами, украинской «цифре», увидел выскочивший на дорогу за спиной вражеской машины Т-80, укрытый обрывками ка-

муфляжной сети и с белой большой «зет» на лобовой броне. «Восьмидесятка» резко замерла, клюнув носом, и хлестанула бронейбойным в корму бандеровского танка.

От какого-то бронелиста срикошетил сердечник, адски запел на излете, уходя вбок, командир 72-го нырнул в башню и его машина через застопоренную левую гусеницу резво пошла на разворот, внутри башни, видно, суетились, пытались вручную зарядиться вместо карусели, поменять фугас на бронейбойный, успеть, спастись, выжить, дальше жечь русскую колонну и в конце – чтоб им – как это, Пурпурное сердце?! Фу ты, дурь...

Стрелок «восьмидесятки» с белой буквой имел свою минуту, пока советский, почти такой же, танковый брат крутился, подставляя борт, и шанса не упустил. Снаряд его как раз влетел туда, где уложены, готовые к бою, фугасы, коими только что он утюжил глупо беззащитную полицейскую колонну. Башня 72-го взлетела в дождливое небо, уносясь навстречу водяным струям вместе с разорванными телами командира и стрелка, поднятая на огненном столбе детонации, оставляя в обезглавленном корпусе сожженного в пепел механика-водителя.

– Дыинининин!!! – сказала рухнувшая в болото в двадцати метрах от Зорина башня чужого танка и напоследок обдала его шипящей подогретой вонючей водой. Танк с белой буквой уважительно объезжал горящие трупы своих земляков – росгвардейских КАМАЗов, посвистывая турбиной, проби-

рался наказать БМП с желто-синим флажком, которой не все еще было ясно.

– А и по-о-о-околошматили вас, – сказал гнусаво, поднимая за ворот бушлата Костю из канавы человек в немыслимо грязном камуфляже и мохеровом шарфе. У него торчал набок задорный сломанный нос и верхняя губа едва прикрывала голые беззубые десна, – Чо ж вы так перли, дуриком?! Ааааа-а мы вас же пять лет ждем... Этак они всех на подходе укокошат...

Он протянул совок черной дубовой ладони Зорину, держа настороженно под мышкой автоматный приклад, не сводя зрачок ствола с капитана.

– Мыза, вперед давай!! – крикнул с дороги, перекрывая гудящее из танкового трупы пламя, еще один, в пегой бороде, со снайперской винтовкой, – Потом побазарим, ребята слепые едут, помогай! Бегоооом!!

Виктор выполз на карачках из канавы, стыдясь себя, отряхивал голову, безотчетно вытирал автомат ободранными пальцами, гнал туман из гудящего черепа.

– Капитан, слышь?! Некогда сидеть. Собирай своих, вперед бегом!! Танкеров наших прикройте. Сейчас воевать надо, сможешь?! Тут вас давно ждали, ты уж оправдай... Потом, братик, поплачем...

Зорин встал, дернул за руки Константина, отхаркнулся немного, услышал свой сиплый, будто стариковский, голос, которым пытался кричать:

– Отряя-а-аад, ко мне!! Командиры – сюда!

– Ну, уже лучше, – одобрительно хмыкнул снайпер, уходя вслед за своим танком, – Тебе оставить моего начштаба, или сам управишься?!

Вместо начштаба на Зорина глядел тощий суровый мальчишка в синем пуховике, кое-где изодранным в лоскуты, но с АКСУ в бледных от холода руках и с брезентовым автоматным ремнем на щенячьей шее.

– Некогда мне тут с тобой, – сосредоточенно вздохнул парнишка, глядя вслед убегающему снайперу, туда, где еще отплевывалась от партизанского танка подыхающая бандеровская БМП, – Собирай своих и за нами. Ты, дядька, воевать сюда пришел, или как? Если не можешь – там, сзади сеструха моя в овражке, Катькой звать. Пригляди за ней. А мне – нашим надо подсобить.

Уже убегая, крикнул, отгоняя детской ладонью черный дым горящих машин:

– Да ты не бойсь, дядька!! Все равно мы победим! Потому что они – фашисты...

Зорин, кряхтя, поднялся, безуспешно искал свою форменную кепку. Краем глаза смотрел на Костю – тот уже стоял, глядя на бегущего в огонь и мазутный смрад мальчишку, стыдливо счищал с разгрузки сопли и блевотину.

Виктор оставил сержанта у полузатонувшего «Урала», приказав принять меры к спасению из кузова забитого в деревянном ящике противотанкового «Метиса», или, на худой

конец, вытащить хотя бы «собаку» – АГС, вместе с боеприпасами. Контуженный взрывом прапорщик-кинолог, сидящий на обочине, только мотал головой, зажимая окровавленный нос, остальное отделение в суматохе разбежалось по канавам и дальше, укрылось, наверное, в лесополосе, если не полегло целиком на минах, и собирать людей сейчас, в сплошном дыму, реве пламени и бухающей откуда-то сзади детонации представлялось невыполнимой задачей.

Сам Зорин, поймав за ремешок дрейфовавший в болоте чей-то композитный шлем, нацепил на мокрую горячую голову, помчался вперед, туда, где за пятнадцать минут боя уже жирно пылали остовы машин, и из БТР вовсю сифонило пламя, пожирая бублики потекших колес.

– Капитан, ээй, стой!!! – заорал ему в спину оглохший прапорщик, – Куда ты, там ихняя пехота! Танк, танк наш верни!! Пусть прикроет спереди.

Зорин махнул на него рукой, бежал в сторону уничтоженной головы колонны, к пылающей штабной машине, к смятой в лепешку санитарной «буханке», к небрежно выкинутому на обочину и сожженному БТРу. Там было командование сводного отряда, вместе с картами, точками привязки, радиоканалом, позывными, схемой развертывания и прочим, прочим, без чего на войне никак, иначе – только партизанизить...

Прапорщик, хоть и контуженный, а был прав. Не удалось Виктору пробежать и сотни метров вперед, закрывая рука-

вом обжигаемое пламенем лицо, как навстречу хлестанули автоматные очереди, взбивая фонтанчики пыли впереди, прилетая тяжелыми градинами по горящим скелетам машин. Зорину пришлось опять откатываться в канаву, плюхаясь, выглядывать осторожно, чтобы увидеть, наконец, их – тоже славян, упрямых, злых, бегущих вперед короткими цепочками из трех-четырёх человек, в импортном камуфляже и желтых ботинках. Видно было, как пара тащит такую же «собаку», которая сейчас потонула в кузове «Урала», и дожидаться ее залпов Виктору совсем не хотелось.

– Отходим, братва!! – заорал он, подбегая назад и с размаху дергая за рукав прапорщика, да напрасно – первые же очереди вдоль горячей колонны исполосовали сидящего на обочине контуженного кинолога, теперь кулем поехавшего от толчка в канаву, погружаясь в нее бритой, в подсохшей крови, макушкой.

– Тащ капитан, сюда!!! – отчаянно махал руками и вопил чуть дальше сержант Костя, он уже выволок из кузова сложенную станину «Метиса» с примотанными коробками управления и две укупорки ракет в зеленых пластмассовых тубусах,

– Подсобите, щас отойдем за горочку и соберем машинку!! Вдарим по гадам!

Зорин помнил про наступающих по дороге людей в желтых ботинках, про их готовый рвать в клочья АГС, молча схватил с выгоревшей травы два пусковых контейнера, тут

же понял – тяжело, донести бы обе ракеты – побежал с трудом туда, куда уехали на спасительном танке партизаны. Гудело в голове, и железный вкус крови стоял в набитом хрустящей грязью рту, выдохи больно рвали грудь, казалось – все, сейчас встанет сердце, наливающееся потихоньку тяжестью за ребрами. Жужжанье в ушах нарастало, но вражеский АГС сзади пока молчал, только слышалось буханье бегущего след в след Кости, взвалившего себе на плечи треногу ПТРК.

– С дороги, менты, вашу же мать!! – заорал кто-то из-за канавы, для начала пронзительно свистнув, – Тут проход, бегите по жмурам, мины сработали! Да скорее, дрон висит! Щас бляди накроют с гаубицы!!

Зорин увидел за канавой, за изрытым недавними взрывами и кое-где пестрящим трупами своих ребят узким полем, машущего рукой с зажатой красной тряпкой недавнего беззубого партизана. Тот махал им, успев между делом швырнуть разок из подствольника в голову колонны улетевшую булыжником гранатку ВОГ. Холодная болотная жижа остудила тело, затекла под броню, бушлат и тельник, даже обожгла райской прохладой горячее темя под каской, заодно сполоснув разгоряченный сухой рот. Ракеты от ПТРК Виктор не бросил, выкарабкался на другой берег, суча ногами, пополз в лесополосу, следом в кусты тяжело перевалился сержант Костя.

– Чего легли, ходу!!! – прогнусил беззубый, подтыкая мохеровый бурый шарф на голой шее, – За мной, посоны...

– Да ты скажи, куда?! Дай минуту, сил нет, – Зорин укатился дальше вниз, в жухлые колтуны прошлогодней травы, сливал из шлема остатки стоялой воды на пересохший язык.

Первый прилет ударил в голову догоравшей колонны, потом разрывы плесканыли второй и третий раз, раскачивая землю под ногами, отдаваясь в позвоночнике, сметая с дороги остатки техники и мертвых людей. Горячая волна огня, земли и водяного пара обдавала уцелевших, вобравших головы в плечи уже в ста метрах от смертельной трассы, ползущих лесополосой прочь, дальше, в надежде укрыться от бесстрастного глаза железной птицы, корректирующей смерть.

4

*Да трепещут все жители земли,
ибо наступает день Господень,
ибо он близок – день тьмы и мрака...
перед ним пожирает огонь, а за ним палит пламя...
(книга пророка Иоилия, гл.2)*

Надо было бросить курить, причем уже давно. Тридцать лет заполнялись легкие табачной бурой клейковиной, и ладно бы – вся проблема в подбирающемся раке легкого, так ведь бежать не дает ноющая боль в груди, левой лопатке, плече и шее... Это сердце, врач говорил во время профосмотра, на старой, важной и человеческой работе, в той жизни – в прошлом, «ковидном», году. А сейчас рака, ковида и инфаркта, пожалуй, нет. Есть только зазубренные кусочки металла и оранжевые шапки взрывов, которые так растерзают хрупкие человеческие тела – патологоанатому работы не останется.

Поэтому не сбавляй темпа, беги, – кричал самому себе Савельев, огибая коварные узлы ивовых корней, старых осиновых пеньков, раздвигая на ходу хлещущие по щекам вицы. Беги, тебе все равно скоро конец, а там умирают люди, которым, может, еще жить? В этом лесу, на западном берегу Северского Донца, весна уже наступила – редкие потемневшие

крупинчатые шапочки снега виднелись лишь у подножия нахмуренных елей, спрятавшись под их колючими юбками. Не обращая внимания на близкий треск выстрелов, синицы не унимались – март важнее боя. Сколько еще войн затеют кроважидные двуногие, а жизнь-то этого мира ведь должна продолжаться?..

Весло винтовки, перекинутой за спину, пару раз норовило бросить Георгия навзничь, зацепившись за стволики юных деревьев, однако, он выдерживал эти рывки, мчался к дороге, выхаркивая на бороду тягучую слюну. Мыза, который хоть и помоложе, давно отстал, ну, да у него пацан Мотька следом на прицепе, понимать надо, не бросишь парня, хоть и выдали ему коротыш АКСУ, а воевать одному – в десять лет рано. Сеструху его, девчонку и вовсе запрятали в овраге, оставили одну, но ничего – дождется, значит, – будет жить. Главное, чтоб уцелел кто-то из них, взрослых, кто помнит, где она сидит на куске туристической пенки в заросшей норе, в буераке.

На трассе всю уже горело абсолютно все, исходя масляным дымом, чадили серые КАМАЗы, «Уралы», успели до рыжины истлеть в высокотемпературном пламени остовы «буханок». Без остановки поливал пулемет, мелкой чечеткой дробили автоматные очереди и каждые шесть секунд – через десять ударов сердца – в два такта – да-дамм – раскатывался гулом танковый выстрел. Савельев выскочил к высокой насыпи, весьма кстати споткнувшись на кочке, падал на вытя-

нутые руки, сразу откатываясь в сторону, поскольку прямо над головой, на дороге, дышал горелым пороховым чадом бандеровский танк, спокойно посылавший фугасы куда-то вперед, в скопище уже пылающих машин и в гущу людского крика.

Вот этот бой они вместе с заблудшими танкистами 47-й дивизии и услышали давеча с километра, не добравшись до бродов через Северский Донец совсем немного. Савельев с Мызой помчались вперед, танкисты остались в овраге на окраине Каменки, ожидая команд в УКВ-шную рацию, чтоб не налететь, не нарваться на превосходящие силы фашистов, не сгореть сразу по-глупому, а, может статься, подсобить своим, выручить братков, ведь кто-то воюет там, судя по адским звукам бойни?..

Савельев на брюхе пополз за спину чужого танка, дальше по канаве, выглядывая, спеша, его вражеское прикрытие, где там они – пехота с «Джавелинами», пулеметчики, те, кому положено вслед за танком завершить разгром, добить колонну? Видно, солдаты в импортном «мультикаме» выскочили из своих грузовиков далеко, за массивом южного леса и теперь едва начинали перетекать с опушки на дорогу, почти на пределе видимости оптического прицела винтовки, то есть до них – больше пары километров.

Георгий осторожно отхаркался под воротник бушлата, опасливо оглядываясь на двинувшийся вперед вражий Т-72, к горящим росгвардейским грузовикам, когда-то серым с

красными полосами, теперь – почерневшим, нажал тангенту рации, кричал в забитый земляной грязью микрофон:

– Коробка, вперед полный! Дорожная насыпь слева, один 72-й, кормой к вам. Уничтожить!

Мыза с бегущим без отставания Матвейкой показались с перелеска, но Савельев яростно махнул им рукой – залечь там, не высовываться, сам, перекатившись на живот, с тревогой вглядывался в поле, где она, наша «восьмидесятка», не струсили пацаны, не заглохли, успеют ли помочь, пока не подошла петлюровская пехота?!

Колонна пылала уже целиком, и с хвоста, со стороны переправы, выкатился, видать, еще бандеровский БМП, стрелкотала автоматическая пушка, и кричали, кричали люди.

Со свистом, чем-то средним между двигателями ЯК-40, на котором в детстве Савельев летал с бабушкой в Ригу и паяльной лампой с отцовского гаража, из балочки, от околицы Каменки, выскочил в поле танк с буквой «зет», промчался закраиной черной пашни, сминая тонкие вербы, не сбавляя хода, вырвался на дорожную насыпь, в трехстах метрах за спиной вражеского 72-го, тормознул, клюнув носом, и только пушка, удерживаемая стабилизатором, не качнулась совсем, немедленно харкнула в затылок вражеской машине смертью.

Звук рикошета напомнил Савельеву застрявшую в толстой заготовке и неосторожно сломанную токарную фрезу – как за это ругал в школе пропахший табаком трудовик Аль-

берт Альбертович по прозвищу Лысый, Георгий помнил и сейчас, спустя тридцать пять лет. Сердечник бронебойного снаряда скользнул по задней скуле чужой башни, свирепо вибрируя, умчался в поля. В скупо камуфлированном крестообразными цифровыми узорами вражеском танке поняли – сзади, там, где отстала бестолковая пехота, появился карающий тезка, которому сегодня – фарт.

Безнадежно, но упрямо, вместо того, чтоб за пять секунд покинуть танк, еще успеть, бежать, не гореть самим, мехвод врагов по команде зажал левый торсион и на полном газу крутанулся назад, разворачиваясь навстречу русскому Т-80. Шесть секунд – долго, целая жизнь. Так думалось Георгию, когда чужой танк все больше доворачивался, все пристальнее пялился на него своими гневно раскрытыми триплексами.

Поворот так и остался незавершенным. Савельеву на миг показалось, что нагретым гвоздем ткнули в туго надутый мяч и от этого воздух из него рванулся через все швы, а больше – через ниппель, что был сверху. Башня танка с отскочившей, видно, открытой раньше, а теперь безобразно раззявленной пластиной командирского люка, поднялась на оранжевом столбе пламени, устремилась ввысь, там закувыркалась, грозя орудийным искореженным пальцем, на дымном хвосте улетела вбок, в болото. Тело 72-го тяжело осело вниз, гусеничные катки расшеперились в стороны, будто подогнувшиеся посмертно ноги лошади, а из шеи, с башенного

погона, как кровища с обезглавленного туловища, ударил в небо адский багровый фонтан огня.

Георгий вскочил на ноги, поднял в приветствии своим танкистам руку с зажатой СВД, крикнул в рацию:

– Коробка, враг уничтожен! За мной средний ход. Сзади пехота поджигает, не тормозите. В конце колонны – вражеская БМП, внимательно.

Сгоревший быстро, проживший яркую геройскую жизнь, Т-72 разгромил почти всю колонну. Единственный БТР сопровождения дымил в противоположной канаве, воздух оставался девственно чистым от авиаподдержки. Савельев пробежал убитых или умирающих людей, лишь в одном месте обнаружив живого капитана и пару СОБРов, контуженных, раненых, но готовых воевать.

– Мыза, Матвея тут оставь! – орал Савельев, убегая вперед, немного подбодрив росгвардейцев, – Ребята, быстро уходите за канавы, дальше перелеском к реке. Сейчас начнет артиллерия работать. И пехота их подходит. Живо!!!

Дорога ныряла под горку, вниз, к понтонной переправе, кинутой через броды совсем недавно. Две недели назад тут еще ничего не было, стоял пикап с разъездом «Азова», видимо, ходом снесли их армейцы, ушли вперед. Росгвардия переправилась нынче с утра, а вот охранения у понтонов никто не оставил – ни тебе блиндажика, ни даже НП. Отсюда-то, наверное, пропустив колонну грузовиков, и крикнула в эфир бандеровская разведка своим – мол, колонна прошла, встре-

чайте. Сопровождение – один БТР, жгите, на здоровье... Теперь, чтобы никого уж не пустить назад спастись, ни один чтоб не ушел назад через Донец, прикатила сюда от Изюма БМП-2 с желто-синим флажком на антенне.

Пока Т-72 жег колонну спереди, тут тоже хлопцы потешились хорошо – в лоскуты искрошили из автоматической пушки «Уралы», КАМАЗы и «буханки», высадились с железного нутра БМП, бродили теперь среди трупов, еще шевелящихся, кое-где горелых, трофеили деловито, не спеша. Им из-за горки было не углядеть дуэли гусеничных советских собратьев, странным образом насмерть сцепившихся на полях своей единственной великой родины, а в рацию, видать, их свои не вызвали.

Савельев прилег, нырнув за павший на горелые обода УАЗ, слыша догоняющий сзади свой свистящий танк, выцелил в мутную линзу оптики с вершины холма фигуру на дороге, но стрельнул, как всегда коря себя, неправильно и ни к месту оставляя человеку шанс – в грудную пластину бронжилета. Толкнуло бойца сильно, он упал на бок, кувырнувшись через плечо поломанным манекеном. Выстрела за взрывами и ревом пожара бандеровцы не услышали, только увидели упавшего, и тут же, закрывая для них уходящее за горизонт мартовское солнце, на холме возник танк с белой буквой.

БМП с азовским «волчьим крюком» на желтом фоне, дала задний ход, стремясь укатиться в кусты, к ней опрометчиво

ринулись два бойца из пяти высадившихся накануне – но наводчик Т-80 вlepил фугас прямо в борт бронемашине, под обновленную эмблему гитлеровской дивизии «Рейх» и десантники вместе с БМП исчезли в оранжево-черном клубке огня.

Савельев перегадил секунду взрыв с открытым ртом, сбегая перепонки, услышал, как внутри танка костромской срочник, оператор-наводчик Рома гремит укупоркой снаряда и доворачивает башню на двух оставшихся бандеровцев. Георгий осторожно привстал на колени, чуть выглянул вперед, сквозь дым оглядывая горящие теперь кусты и берег, по которому щедро размотало нутро БМП, увидел, как один из двоих оставшихся «азовцев», невысокий коренастый старый мужик бросил автомат и поднял руки, второй же, худой, вихрастый длинный парень с бледным лицом, торопясь, выковыривает из разгрузки гранаты.

Савельев, секунду думал, что лучше бы ему самому было остаться лежать за УАЗиком, поскольку противопехотные гранатки танку – что мухи, и пусть экипаж Мишки Аронова, темноглазого кудрявого сержанта, предков которого жгла в печах нацистская сволочь вот с такими же шевронами, как у этого молодого азовца, исполосует фашистов курсовым пулеметом?! Кого спасать, брать в плен? На кой черт эта история? Вот Мыза – тот, если бы здесь сейчас был, а не отстал с Матвейкой в начале колонны – Мыза бы не задумался. Подошел бы быстро, экономя патроны, зарезал бы обоих наци-

ков, в память о своей жене, и о дочке. Да и Мотька – думая о мамке, упер бы «калаш» прикладом себе в детские ребра, неумело стеганул бы по гадам длинной очередью...

Но ты-то, ты же – русский доброволец, думал пятидесятилетний гуманист Савельев. И в твоём сердце никак нельзя дать нишу кровавой, душной мести, ибо война идет святая – за правду. А, может, это потому что твои-то близкие не раздавлены такими же нацистскими броневиками, их не насиловали татуированные азовские волки, твоим детям и внукам не разбивали они головы о стены, не сожгли ж твою мать в хате заживо?.. Вздыхая собственной глупости, уже поднимаясь в рост, Савельев убежденно отвечал себе – нет, пусть еще живут, обманули их, лгали долго, ведь свои они – славяне...

– Руки поднял, дебил!! – заорав до красной рожи, выскочил Георгий вперед танка, быстро рванул вперед, оставив длинный ствол СВД в сумасшедшие мальчишеские глаза азовского десантника. Думал фоном быстро и по привычке с долей безразличия – мол, так тому и быть, – как бы сдуру паренек не повыдергивал колечки, как бы танкисты со слепу не пазганули из пулемета, как бы второй бандеровец, шуганный мужик за шестьдесят, не вытащил пистолет из-под разгрузки...

– Кирило, та ты брось, ну... – дядька бандеровец шагнул вперед, обнял своими узловатыми кистями кулаки парня с зажатыми гранатами, – Не балуй, малой... Ты шо ж, помре

решив?! Це ж тож люди, нэ собаки...

За спиной Савельева лязгнул люк в башне танка, командир машины сержант Миша выбрался, доверительно прижался к упорам зенитного пулемета, крикнул сверху:

– Слыхали? Клешни подымайте, живо!!

Уговаривать глупо, нет тут места нормальной жизни. Сзади прет чужая пехота и зудит где-то в небе дрон-корректировщик. До испепеляющей артатаки – минуты. Савельев быстро приблизился к замершей паре в западном камуфляже, чуть отстранил плечом взрослого и долбанул парня в переносицу бакелитовым истертым прикладом винтовки.

Нарастающий вой снарядов на излете мчался с юга, заполняя небо, оставляя еще шансы выжить, если немедленно, сейчас – провалиться сквозь землю, или бежать – быстрее чемпионов. Батарея Д-30, или «Акаций», возможно, тех самых, которых хотел прищучить Мыза давеча с помощью встреченного Мишкиного танка, получила координаты с коптера, навелась скоренько и плюнула в пасмурное небо три фугаса.

– На плечо его, быстро!! – орал Савельев пожилому азовцу, попутно отправляя танк на другой берег реки, через понтоны, – Миша, пошел на ту сторону! Газу, газу!! Через километр съезжай в овраг и маскируй машину. Вперед!! Догоним...

Старый фашист, торопясь, срывал бронежилет с парня, скидывал свой, кряхтя, мастырил нескладного, длинного

юношу на плечи, неловко пер вперед по глинистому берегу, так что носки ботинок того, касаясь земли, чертили борозды.

Обстрел набирал силу. Была гаубичная батарея, методично, размеренно – та-да-дамм – с отдачей в ноги, в спину, через качающуюся, дрожащую землю. Тем хуже, думал Георгий, что особой точности от старых Д-30 не дожидаться – дрон передает координаты колонны, а накроет, где попадая. Хотя, может, лупят как раз по переправе, но нет же – тут у них был отсекающий десант на сожженной теперь БМП. Кто разберет, главное – мчаться изо всех сил на тот берег, там рассыпаться по канавам и кустам. Даст бог – вот-вот польет дождик и уберется коптер восвояси.

– Быстрее же, ты, зар-р-раза! – Савельев бежал за пыхтящим мужиком, едва волокущим длинного юного однополчанина, уже под берцами качались мокрые рыжие понтоны, помогая старому нацисту, подхватил за лодыжки пацана, перли вдвоем, а рядом ложились фугасы, и один, совсем близко – бухнул прямо в реку, окатив ледяной коричневой пеной.

Силы оставляли пожилого, сутулая спина его ходила ходуном, однако, все же миновали переправу – рядом спасительная заросшая опушка. Тут мужик безнадежно рухнул ничком в заросли, хрипел, переводя дух. Парень поленом валялся здесь же, не приходил в себя.

– Не могу больше, си-ии-л нет. Пристрели. Мне – все-ее...

– Не для того спасал я вас, дядя – Савельев присел рядом на корточки, – Кончить бы сразу – и всех делов. Что, весело

было ментов крошить безоружных, а?!

– А кто их сюда звал? – откашлялся азовец, – Чего нас тащишь с собой, чтоб издеваться?

– Да не, – Савельев легонько ткнул парня под зад, да тот только мычал, обморок еще не отпустил молодого. – Это по вашей части – пытаться, глумиться. Поднимай его, и вперед, бандера! А отвечать придется – только перед своими же, перед Луганскими, Донецкими. Я вас обязательно доведу, чтоб в глаза им поглядели...

Обстрел понемногу затихал сзади. Весенний день гас, небо совершенно затянули облака и грянул настоящий ливень. Дрону пришлось убраться прочь, а подходившая пехота так и не добралась до сгоревшей колонны, видно, испугавшись засады, в которой сгнули советский танк в чужом, крестами, камуфляже и советская же БМП с фашистскими эмблемами.

5

*Суд же Божий состоит в том,
что свет пришел в мир;
но люди более возлюбили тьму, нежели свет,
потому что дела их были злы;
(Евангелие от Иоанна, 3:19)*

– За каким ч-о-о-ртом, ты их тащил, Жора?! – на Мызу совершенно не хотелось смотреть. Привычная уже внешность немного изуродованного мужика с розовыми рубцами на щеках, кривым малозубым ртом и полустесанным носом вместо обычной добродушной безусой рожицы превратилась в оскаленную морду питбуля. Он вплотную приступил к Савельеву, слегка сгибаясь по привычке, хотя и укрылись они все, вместе с остывающим танком, в глубоком овраге, в паре километров от переправы.

– Вот, значит, как?! Не твоих они мучали, так ты те-е-е-перь про Женеву вспомнил, ка-а-анвенция, блять? А ментов вон этих – они б не пожалели. Раздавили бы гусями, помнишь, как Сашку в Славянске? За-а-был ты, голова у его была целая, а брюхо и ноги измочалили и бросили подыхать?!

Зорин с опаской наблюдал за разборкой партизан, опытным взглядом оценивал дергающегося, близкого к аффекту, заику, частящего мягким малороссийским говором, у которого автомат висит в боевом положении на животе и пра-

вая кисть – на рукоятке. Вмешаться, осадить, с капитанского своего положения? Куда там, ведь это партизаны притащили танк, спасли их, бестолковых, брошенных, прущих вслепую на убой. Сколько там осталось трупов, сколько разбежались? Нет, вмешиваться нельзя. Этого контуженного от расправы над пленными удерживает только авторитет товарища, лысо-бородатого стрелка, русского добровольца.

– Остынь, Коля, – Савельев хотел нарочито спокойно, а вышло – естественно глухо и равнодушно, действительно, устал он смертельно за длинный кровавый день, – Своих ведь не вернешь мстью. Давай лучше покурим... И времени у нас – не то, чтоб вагон. Видишь – дождик стихает, стемнело почти. Нам сейчас надо быстренько перегруппироваться, а ты – слюной исходишь...

– Ну, тогда – так. Шоб не обидно было! – Мыза перекинул автомат на бок, вытащил из ножен узкий, тускло блеснувший тесак с замотанной изолентой ручкой, попятился к сидящим в кустах азовцам, – Я щас одному – молодому – кадык вырву. Он чуть моей дочки постарше будет. А деда, так и быть, тащи в трибунал, Жора.

Савельев увидел, как вжал подбородок в плечи дрожащий парень с руническими шевронами на рукавах, а пожилой приподнялся, пополз вперед на коленях, тараторил:

– Ну, не вбивайте ж хлопца! Молодой он ишо. Люди вы, либо шо – нэ?

Георгию уже не хотелось искать выход. Хватать Мызу за

пояс, выкручивать руки с ножом, или как – выстрелить ему в спину? За нарушение приказа? Так нет у него этого права, а у Мызы – право кровь за кровь, наверное, есть... Сержант Миша, командир геройского экипажа, наблюдавший распрю с надгусеничной полки танка, бросил догоревшую сигарету в темную земляную жижу, спрыгнул прямо перед Мызой, закрыл спиной пленных:

– Отставить, дядя. Приказа не слышал? Отставить – и все! Кругом, сказал же, ну?!

– А-а-аа, ты тоже так?! Все вы – жалеете... Да ты-то, поглядеть на тебя – еврей вовсе. Уж тебя б они – как в войну, точно, первого. Ты на кресты глянь. Не люди это – волки...

Из сумерек удивительным образом возник Матвей, привел за ладошку белеющую личиком во мгле сестренку, влез между танкистом и Мызой, спокойно и сердито сказал последнему:

– Дядь Коля, не надо с ними сейчас. Мы отведем к нашим, и пусть судят. Я им мамку не забуду. Не трожь их, мы не такие, слышишь?

Хорошо, что стемнело, подумал Савельев. Потому, что у автоматчика Николая Мизгирева, бывшего слесаря с Луганщины, ныне беспощадного разведчика с позывным Мыза, затряслись плечи под сырым бушлатом, он закрыл свое уродливое лицо каменными черными ладонями, и медленно ушел мимо бойцов в темноту, за теплую глыбу танка, там, давясь слезами, сидел на корточках, курил и вспоминал, на-

верное, мертвых своих.

– Надо что-то решать, – Зорин вместе с танкистом и Георгием, отошли чуть дальше от своего маленького отряда, собрали совещание командного состава.

К переправе, туда, где еще отсвечивало багровое пламя догорающей колонны, но уже не слышны были хлопки детонаций или случайные выстрелы, отправили СОБРовца Костю вместе с наводчиком Ромой. Почти земляки оказались – Ярославль и Кострома, во всяком случае, одна у них река на два города – Волга, да и по возрасту – где-то рядом. Молодые, после первого боя есть о чем пошептаться. Савельев строго-настрого запретил им вступать в перестрелку, велел замаскироваться у переправы, дежурить до полуночи, дальше – смена. Для связи выдали им УКВ-шку, для крайнего случая имелись автоматы, а главное – молодые быстрые ноги, чтоб бежать, если что, в поля, и ни в коем случае – к оврагу с танком гадов не приводить.

Мыза увел детей дальше в низину, в обрывистом песчаном берегу вырыл нору, сейчас грел там на таблетках горючего плоские банки тушенки, ломал подмокший хлеб, собирался кормить малых. Ярость и боль его снова отступили, спрятались на дне тоскующего сердца, он, уводя мальцов на ужин, буркнул Савельеву:

– Виноват, Жора. Щас ребят накормлю, пойду проверю молодых на понтоны. Спать сегодня не охота. Так что под-

страхую...

Мехвод Серега по поручению командиров развязал руки взрослому фашисту, выдал ему пачку галет, пластинки потекшего мягкого сала и кружку с чаем, велел есть самому и кормить молодого азовца.

– Вы только заорать не вздумайте, или еще чего, – вздыхая, предупредил их, сам, прихлебывая из термоса, сидел рядом в темноте на станине спасенного СОБРами из потонувшей машины «Метиса», – А то придется вас – того... – грозил во мраке кургузым стволом АКСУ.

– Авиации сегодня так и не было, почему же? Неужели никто не знает до сих пор о засаде? И где ребята, не все ведь полегли, – Зорин сокрушенно качал головой, грел руки от гаснущей на ветру, спрятанной в кулаке сигареты.

– Какая авиация – дождь только чуть унялся, – с досадой отвечал Савельев, – А куда ваши разбежались, если живые – не скажу. Мы отступили на восток, за нами сзади тылы группировки военных и наши ополченские штабы. Переправу эту, по моему мнению, фашисты завтра будут забирать себе. Потому что – если бы хотели уничтожить, уже бы накрыли. А им, видно, нужно захватить ее, перебросить через понтоны технику и пехоту в тыл ушедшим на юг нашим армейцам. Мне кажется – примерно так... Что скажешь, Миша, какая задача была у вашей дивизии?

– За дивизию не знаю, – пожал плечами Аронов, – Мы

переходили севернее, там другие были понтоны, а я вообще через брод шел, по вешкам. Команда была – двигаться на окраину города, на соединение с мотострелками. По этой-то трассе – уже давненько прошли передовые части. В штабе кричали – ВДВ на сто километров вперед умахали. А насчет отсечь войска – это вы правы. Я б на их месте как можно скорее захватил переправу, поставил бы тут заслон, и пошел рейдом в сторону наших тылов, на Белгород.

– Ну, дал тоже, сержант, – хмыкнул Зорин, в полутьме, едва разгоняемой огоньками сигарет и фонариком старинного кнопочного телефона Савельева, вглядывался в его же туристическую карту-двухкилометровку, расстеленную на дражном складном стульчике предусмотрительных партизан, – Куда им, в наступление идти? Какими силами?

– А все такими же, – пожал плечами танкист, – Вашу колонну – один танк и одна БМП размолотили. Хватило, значит. Ну, ты тут командир, тебе решать. Офицер, я понимаю, у нас один? Принимайте командование, товарищ капитан.

Савельев кивнул, кряхтя, свернул карту, пододвинул стульчик на середину, выкладывал на него из рюкзака сухари, маленький колбасный подсохший рогалик, кружку и заслуженный, копченого вида термос.

– Ребята, я опер, не военный. По другой части мои навыки, – Зорин замотал головой, вполголоса басил, отнекиваясь, – Вот тебя, к примеру, Миша, где-то видел. А где – не помню...

– Чего тут помнить, – пожал плечами Аронов, хмыкнул в темноте, – Мы с одного поселка с вами, товарищ капитан. Да чтоб понятнее – мою жену, наверное, знаете. Она с РОВД по профилактике трудных подростков часто общалась. Галина, педагог со школы нашей. Ну, так яснее?

Зорин вздрогнул, споткнулся на полуслове, пытаясь разглядеть лицо танкиста, которое в сумерках еще и глушил тенью надвинутый на лоб шлемофон. Не может такого быть. Книжная история. Какая глупость. Ну и зачем спасал меня, сержант? Потому что не знал, конечно. Иначе бы ждал, пока укры сожгут пакостника, потом спокойно проехал мимо на своем Т-80, еще бы, может, гусеницей по трупу – чтоб и ошметков не осталось. Нет, этот бы так не поступил. Этот парень все равно поехал бы спасать. И завтра тоже – не выстрелит в спину, не такой он. Эх, как паршиво. Дрянной ты человек, Виктор Зорин. Ну, здесь пауза ни к чему. От нее только больнее двоим, а третий все равно не понимает.

– С Прилук будешь? Вот история! Ну, одна хорошая новость за сегодня, земляк! А учителей не упомяну никого что-то. Ну, короче, голосую – Георгий, тебе командовать. Только не спорь, будь другом – времени жаль. Скоро ребят менять в пикете на понтоне, а что утром будет – непонятно. Поспать бы полчаса.

Савельев пожал плечами, выдал обоим по сухарю, складным ножиком распилил пополам колбасную попку, сам хлебал чай с конфетой-лимончиком, гоняя кислый кругляш по

воспаленным стоматитным деснам.

– Обстановка, товарищи командиры, так себе. Мы еще вчера должны были к обеду с Мызой вернуться в батальон, да застряли в Каменке – вон, мальцов нашли, ну и замедлили они нас сильно. Ближайший наш НП – сильно южнее и восточнее, почти у Лимана. Связи, кроме УКВ между собой, у нас нет. Симка для телефона работает только на востоке, здесь – никак. Как я понимаю, СОБР без связи? Понятно. Ну и в танке после попадания – заглохла машинка? Ясно. Итого – положение определяем сами, интуиция нам в помощь. Вы меня поправляйте, я учитель по образованию, если что... Какие будут предложения?

Зорин, кряхтя, распрямился, хрустнув суставами, разминаясь вокруг матерчатого табурета, бродил во мраке, полу-согнутый:

– Простые предложения, Георгий. Так вот – сориентироваться на местности, тебе тут виднее, ты почти местный, и топать на восток, или на север. К своим, на соединение то есть. Нас тут шестеро бойцов, два пленных нацика и двое детей. Для войны мы явно не годимся.

Савельев кивнул головой, перевел взгляд на сержанта-танкиста, ждал его мнения. Аронов говорил раздумчиво, не спеша, будто о неминуемом, решенном деле:

– Далеко нам днем на танке не уйти. По светлому быстро накроют с воздуха, а если вы все будете на броне – что логично, быстрее тогда пойдем – значит, всех и положат. Ес-

ли отходить – нужно было идти сейчас, ночью. Только туго будет без ориентиров, полагаться на карту. А мины? А если плутанем? Из всех местных – один Мыза... И то – он аж с Лисичанска. Семьдесят кэмэ. И вы говорите – тут в разведке первый раз... Это первое. Ну, а второе – только что ведь говорили. Переправу сдавать нельзя! Ее нужно рвать тогда и уходить в ночь, прямо сию минуту. А взорвать нам нечем. И пустить нациков в наши тылы нельзя, иначе они отсекут передовую группировку от снабжения, и во всем эшелоне шороха наведут.

– Да мы-то как переправу удержим, дорогой человек? – Зорин в сердцах заговорил в голос, осекся, дальше уже бурчал шепотом, – Сколько в танке снарядов? А через полчаса тебя точно артиллерия накроет, и шабаш!.. Геройство – это хорошо, да толку от него сейчас – не вижу. Все равно бандеровцы нас снесут, даже не заметят. Вы это, – остывая, закурил, примирительно руки поднял, – Не подумайте, я не струсил. Просто поляжем, а за нами сзади – силушка, вся страна вперед пошла, чтоб фашистов турнуть. Обидно, за неделю до победы, так сказать...

Савельев улыбался в темноте, искал сигареты, думал, что последние месяцы, когда потекло с родины русское воинство, стало ему на душе легко и беззаботно. Не поехал в отпуск, давно не звонил домой, и не хотелось. Предчувствие больших хороших событий, в чередке которых ему найдется место, и он, всего лишь человек с далекого северного края,

взрослый разочарованный бродяга, тоже оставит отпечаток своей ладони на песках нынешнего времени, – все это радовало и успокаивало его.

Иногда, в дальнем уголке сознания, отблескивала вдруг потайная мысль – приближается самый важный миг жизни, наступает главный день, ради которого прожиты годы, и яркие вспышки личных воспоминаний – с самого детства и до настоящего времени – уплывают медленно, не торопливым калейдоскопом проходят перед глазами, говоря – пора прощаться, Георгий, больше этих картин, – теплых прелых запахов прошлого, маминых рук, голосов твоих детей, губ твоих женщин – никто уже не вспомнит, тебя не будет, а больше – некому. Как бы поначалу ни хотелось ему удержать память еще пару недель назад, когда это началось, эпизоды все равно тонут день за днем, погружаясь в омут забвения, и лежат там на самой глубине, чуть-чуть сияя, будто рухнувшие в трясину звезды.

– А ты вот подумай, капитан, – тихо и мягко обратился к Зорину Георгий, – Представь себе, как страшно и, кажется, несправедливо было идти нашим дедам на последние штурмы в мае сорок пятого года? Когда уже вроде – вот она, победа, и умирать глупо?.. Допускаю, что ты правильно говоришь – сунутся они сюда разведкой, обнаружат нас. Хорошо, если танк будет остывший и нормально замаскирован – тогда поживет еще, пострелять успеет. А так – повесят дрон и разберут нас из гаубиц... Это да. Поэтому задача простая

– пропустить фашистов на этот берег реки, уничтожить разведку. По возможности – танку себя не выдавать. Дальше – огневые точки поменять, ждать их бронетехнику.

– Наверное, кроме основной, у подъема с понтонов, нужно нам запасную позицию подготовить? – задумчиво почесал кудрявую, уже отросшую, прическу, Аронов, – Откатимся, если что, после первой атаки...

– Не дадут тебе, – хмыкнул Зорин, – Как только откроешь огонь по их технике – не выпустят. Так что нет смысла мучаться ночью, искать вторую позицию. Правильнее так – ведешь огонь по обстановке, сколько сможешь, дальше подбираешь нас, кто уцелеет, и мчишься полями к Луганску. Шанс будет маленький, но если ихними подбитыми машинами понтон загородишь – сможешь отступить. Авиации у них не густо, а гаубицы тебя на ходу не накроют.

Савельев тихонечко засмеялся, совсем некстати, понял по удивленным лицам собеседников:

– Да я так, о своем, парни. Вот, думаю, переживать заранее не надо – может, наши-то уже далеко впереди, и бандеры драпанули, а вы помирать собрались?.. Ничего себе, геройская у нас команда. Нет, прочь лирику. Виктор, размещайте «Метис» справа, выше по течению с нашей стороны. Там есть яма, корни вывернуло, липа старая упала, видал? Метров семьсот примерно от переправы. Солнце взойдет у вас за спиной, слепить станет их. Сколько ракет имеется?

– Слезы одни, – махнул Зорин рукой, – Две штуки. Ну, там

рядом совсем до переправы. Две машины подожду. Только мне до подхода техники открывать огонь нельзя. Пехоту кто будет крошить? Пулемета-то у нас нет...

Вечер переплавился в ночь. Мартовское небо выяснило, оно на глазах стекленело заморозком, погружало мир в тишину, примолкла даже близкая река, и на половине скрипучей песни заткнулся в ивняке дрозд.

Савельев на тощем колене рисовал в блокнотике красным карандашным огрызком карточку огня, тыкал пальцем с каймой грязи под ногтями, шипел командирам задачи:

– Ночью Мыза поставит растяжки на нашем берегу. Так что у кого избыток гранат – сразу сдавайте мне. По одной оставьте и хватит вам для героизма. Заграждения сделаем вот так и так – останется им идти только по дороге с переправы, прямо наверх, к этим вон кустам. Огонь открываю я первый. Бью офицера, когда они реку уже перейдут. Дальше включается Мыза, работает подствольником, автоматным огнем. Они пытаются рассыпаться, попадают на наши растяжки. В идеале – положить максимум. Виктор, ты с ПТРК сидишь тихо, не участвуешь. А бойца своего, Костю – Мызе отдашь. Они вдвоем по пехоте долбят. И патроны – беречь. Не густо.

– А мы? С «Утеса» бы хорошо, с бугорка, переправу всю накрыть. Никто б не ушел, – танкист в темноте блеснул глазами, понимал – глупость сказал, но хотелось, чтоб танк подсобил, показал себя снова.

– А вы, – терпеливо вздохнул Савельев, – с места даже, где сейчас стоите, не трогайтесь. И машину не заводить. Я слышал – с пуском у «восьмидесятки» – порядок, не подводит, и прогрев не нужен? Ну и отлично. Запустишь двигатель по моей команде, когда пехоту уничтожим. Тебе отсюда, из балки, будет ни черта не видно, так что жди, крикну в рацию. И тогда уже – дуй на горку и сражайся с техникой. Да ты услышишь – первый отработает капитан с «Метиса». Не перебивай, пожалуйста, спутаемся сейчас.

Аронов поднял примирительно ладони, слушал дальше.

– Первым по технике открывает огонь Зорин. Выбираешь заднюю цель, пропустив первые две или три на понтоны. Уничтожаешь желательно на самой переправе, дальше работаешь по головной, ну, что тебя учить? Кстати, ты стрелял с него когда-то? Там ведь дело сложное, наведение маховичками...

– Стрелял, – не слишком уверенно проговорил Виктор, проклиная себя – зачем наврал-то? Тут погуглить не удастся. Ну, на тубусах с ракетами бумажки приклеены, и на станине. Да и сделано должно быть просто, чтобы солдаты-срочники пальнуть могли.

– Ну, тогда, значит, справишься. Сейчас начнем размещаться, Мыза подойдет, поможет. Да, если ты что забыл – он в батальоне у нас оружейником числится, ПТУРЫ любые знает, подскажет, – вздохнул Савельев, сделав вид, что по голосу не понял – соврал капитан.

Они быстренько перекурили в кулаки, чуть размяли затекшие ноги, и Георгий продолжил:

– Танку вашему, Михаил, стоять до самой атаки без движения. Хорошо, ночь холодная, остыл он быстро, да еще дождик с вечера лил. Я вообще думаю, с того берега на наш сейчас тепловизорами смотрят плотно. Еще, может, высотный дрон висит с тепловой камерой, хотя навряд ли. Уже бы кинули с гаубицы. Так вот – стойте, пока нас с переправы не стонят. Ждете моего сигнала. Если команды нет – после двух пусков ПТУРа начинаете движение к переправе. На горбыль у воды не въезжать! Остановитесь на обратном скате дороги, метров за триста, ждите. Если нас размолотили – выскочат прямо на тебя их броня и пехота. Ни в коем разе на берег не выезжай!!! С той стороны наверняка будут расчеты с «Джавелинами», сожгут в миг. Ясно, Миша?

– Так точно, – вздохнул Аронов, – хороша ж моя роль – подождать, пока вас перебьют, а потом тут в засаде нациков встречать. А кстати, куда пленных-то денем?

– Я их охранять от бандеровских пуль не нанимался, – пожал плечами Савельев, – На общих условиях будут судьбу испытывать. В кусты подальше отведу, там примотаю к дереву. Есть вопросы, парни? Давайте за дело, времени мало. Вот тебе, Миша, рация. Заряд есть, я запасную батарею воткнул. Капитан, тебе, прости, нету... Если будет тихо – в шесть утра сбор здесь же. А пока – готовимся, братья...

Чем больше темнело небо, наливаясь чернильной бездонной пустотой, – тем больше в нем становилось рассыпанных осколков, острых, колючих звезд. Савельеву с детства казалось, что они сердиты и холодны.

– Ну, а ты что скажешь, дядя? Как, бишь, звать-то? Что такое звезды, как мозгуешь? – Георгий подергал веревки на лодыжках и запястьях азовца, задумчиво покумекал – может примотать его тоже, как молодого нацика, руки назад, да к березе? Выберется, дед, не ровен час, и с тылу устроит нападение.

– Та то ж ангелы оттуда глядят, окна в небе... А звать меня Федором. Федор Палыч, так значит. Шо ж ты нас близко посадил как, верная смерть ведь. Отвел бы подальше, командир. Положат, как пить дать.

– Ну и положат – так твои же, фашисты. Не обидно. Не все ж им баб да детей крошить? Некогда мне вас прятать. Ты лучше за волчонком своим смотри. За вами сзади еще один пикет, и боец специально глядеть поставлен, во-о-он с того дерева. Не дурите тут, и останетесь живы.

Пожилой покрутил головой, цикнул щекой недоверчиво. Молодой скрипел в темноте зубами, ерзал по траве, будто силился ослабить шнур, стягивающий колени и локти, притянувший тело к древесному стволу.

– А ну, утхни, фашист, – шикнул на него в темноту Савельев, – Тут желающих тебя порешить – уйма. Не шурши там, придурок. Слышь, Федор, Палыч, – сам ему скажи. Не

то щас под задницу гранату без чеки подсуну. Чтоб сидел смирно.

– Пэрестань, Кирило! Пристукнут воны нас.

Савельев сел на корточки, достал бутылку с водой, поил деда, перед тем как уйти.

– Сколько лет-то тебе, Федор Палыч? Гляжу, – старый ты совсем. А на мове-то чешешь бойко. Идейный, значит, бандеровец. Чего ж, в школе уроки прогуливал? Забыл, как вот такие, – Георгий брезгливо щелкнул ногтем по нацистскому руническому шеврону на рукаве мужика, – Как они в печах славян, евреев и прочих жгли? Забыл, что они с Харьковом сделали? В сорок первом, потом в сорок третьем? Я вот думаю – искушали вас всех там собаки бешеные. И тебя, и пацанчика этого.

– А ты попробуй, по-другому жизнь устрой в Харькове теперь-то, – тихо огрызнулся Федор Палыч, – Ельцин нас побросал в девяносто первом году. Год от году – вытравили все, что мы знали. Нет больше той Украины. Другая теперь. Чего я тебе ишо скажу? Мне шестьдесят пять, а как на войну не пойду, если ты ко мне домой явился, вон, с винтовкою?! Ну, а паренек-то, Кирилл, сосед мой – он другого не знает. Это мне, старому, все помнится – и пятилетки, и первомай, и день Победы. А ему – то не ведомо.

Георгий вздохнул. Еще пяток минут потрепаться с дедом, и надо двигать на позицию. А пока можно перекурить. Вытряхнул из пачки придавленный, кривой «Бонд», прикурил,

сберегая огонек в ладони.

– Положим, Палыч, про нынешний день промолчу, не моего ума дело. А с чего пошло-то, помнишь? С фашистских шествий, с Одессы – с дома профсоюзов, с Донбасса, с Луганщины. Пошто мучали местных, сепарами обозначили. Резали малых, больших. Это как?! Забыть надо?

– Дай тяпнуть, – закричал в темноте азовец, тянулся заросшим подбородком к сигарете, торопливо, с удовольствием, три раза причмокнул, глотал дым, – Это я не знаю. Мы с пацаненком дома тогда были. А честно-то сказать – тебе какое дело? Пусть разбираются с ними, с новороссами, кто поумнее. Я же не приехал в Москву с ружьем, когда вы Грозный бомбили? Аааа, молчишь. То-то и оно. Это знаешь почему? Дозволь сказать, я старше тебя, – Он понизил голос до шепота, наклонился к Савельеву, сколько позволили пути, говорил, – А потому, что мы с тобою – русские. Большой и сильный народ, нам никто – не указ. Русский мир, понимать надо! Да только ошибка вышла – этим молодым ребятам другое в школе рассказали, и баста... Им Бандера милее.

– Прощай, дядя Федор, – Савельев еще дал пару затяжек старому, прощаясь, – Вы тут тихо сидите. Авось выживем, доставлю вас до наших. В батальон свой не поведу, обещаю. Хана вам там. Сдам армейцам. Жить будете.

Пожилой азовец покивал в темноте уходящему Георгию, вздыхал тихо, бормотал:

– Тебе самому ишо выжить – задача, хлопец. Иди, не каш-

ляй...

Кирилл рядом пошевелился, придвинулся к старшему, еле слышно, ломающимся голосом шипел:

– Послухай, Федор Павлович. У мене в штанини нож зашитий. Перегодимо трохи и виймай. Риж выреуки...

Федор Павлович молча, про себя, читал Богородицу и вглядывался в застывшее, черного стекла, небо. Ему казалось, что оттуда действительно глядят на них грустные ангелы, беспомощно сложив за спинами ненужные крылья.

– Т-т-ы чо, меня боишься, парень? – гундел в темноте, хлюпая по болотинке раскисшими берцами, Мыза, – Вон, ныряй за булыжник. Твое счастье – валун ээ-экий намыло. Устраивайся давай – и до утра дд-д-рыхни. Я пойду гранатки внизу прихороню, фрицам на радость. Ка-ак начнется дело – держись меня. Не с-с-ы, победим... Кстати, ты тут как? Ну-у-у, к чему в смысле? Ты мент, што ли? А и бестолочи вы. И капитан твой тоже...

Мыза беззвучно захихикал, разевая влажно блеснувший голый рот.

– Сам ты дурак, – обиделся Константин, – Мы, понимаешь, спасать вас пришли. Сами решили, и капитан, и я. Да у меня в Ярославле два магазина, жил, как у Христа за пазухой. Ты вообще, был у нас, Волгу видал? Эх ты, казак... Не казак ты, а партизан. Наследник Ковпака.

– Ког-о-оо?! Ты чо тут мне бандерами разными тычешь?

Я пять годов воюю с гадами этими, днем и ночью. Эх, не бой бы скоро – набить тебе рожу!

– Да это партизан Советский, фашистов бил! Во даешь, Коля. Не кипятись, пожалуйста. Наших вон вчера тоже – сколько положили? Все ради вас. Так что не ори. А я тебя на полном серьезе – в гости зову. Приезжай ко мне, я тебе город покажу. У нас, знаешь, сколько церквей? Красота. Только надо летом. Вот тут закончим, думаю, как раз ко дню Победы, и буду ждать. Жену, детишек бери. Все организую!

Мыза задержался, вздохнул через кривой нос, со звуком, бормотал, срываясь на свистящий шепот:

– Спасибо, Костян. Только зачем мне твой город, когда в моем – жена и дочка похоронены? Как это дело завершим, хочу часовню у них на могилке сварганить. У нас в батальоне мужик есть – Иван Силыч – так он мне сварить обещал, красивую, с железными кудрями. Мне ребята уже прутки разные ныкают, места помечают. Потом заберу. А ты вот, глянько. Это с Питера художник приезжал, он мне и нарисовал часовню. Только осторожно, не порви. Красиво, правда? Как канареешная клетка. Вот там и будут мои птички жить, так думаю. Теперь они по небу носятся, с той поры, как в доме сгорели. А я почему так решил – от них и не нашел ничего, не осталось... Раз на земле их нет, могилки пустые – значит, в небе...

Константин с трудом глотал застрявшую в горле слюну, бережно принимал из черных ладоней Мызы карандаш-

ный рисунок ажурной часовни на пожелтевшем блокнотном листке.

– Некогда мне, товарищ капитан, – Михаил все же тихонько выбрался на башню, отвернулся, скомандовал в остывшее нутро танка, – Рома, давай с зарядами четко, как говорили. Порядок будет – фугас, подкалиберный, фугас. И не забывай наблюдение, тепловой визор тебе на что? Серега, и ты будь готов! Светать, кажись, начинает.

– Я на два слова, земляк. Мне бежать уже надо. Насилу с «Метисом» разобрался. Если б не ухарь этот контуженный – трудно бы понять. Ты это... Ты не думай ничего такого. Конечно, помню твою жену. Ну, то есть – видел ее, в отделе. По делам там, приходила вроде, в ПДН... Как не помнить? Город-то у нас – маленький, сам знаешь...

Аронов молчал, хотелось в темноте увидеть лицо капитана, да тому везло – ночь еще глуха. Обиды Михаил совершенно не чувствовал, даже мстительно не радовался, что Зорину тяжело подбирать ненужные, глупые слова, наоборот – чувствовал себя неловко, стыдно за него, хотел помочь – а непонятно, как?..

– Завтра, да сегодня уж, чего там – пять утра – бой будет. Вроде как помирать придется. Не хочу я так, не по-людски вроде. Ты прости меня, ну? Прости, сержант. Да она тебя только и любит, точно говорю. Детки вон у вас какие. Прощаешь? Не молчи, скажи, что? Ну, хочешь, дай в морду мне,

а хочешь – стреляй, и все тут. Отойдем, вон, в овраг подальше... Виноват я, забава была. Подыхать с этим не хочу, Миша...

Михаилу представилась Галя, которой крепко нравилась этот хамоватый капитан, пренебрегавший ею, любивший между прочим, невзаправду. А вот она, похоже, любила его по-настоящему. Пожалуй, он – ничего, злой, наглый, но настоящий. От этого уже не слишком больно, или еще больнее?..

– Давай условимся, Виктор, – Михаил в темноте легонько сжал плечо капитана, – Мы с тобой земляки. Твоих родных лично не знаю, а ты моих, так вышло, – видал. Как судьба решит нынче, а только кто вернется – память другого не забывать, близким все доложить. Отдельно попрошу – трое у меня деток, знаешь. Ты уж не оставь. Чем сможешь – помоги.

– Вернемся домой, Миша. Вернемся вместе, обязательно, – Зорин во мраке приобнял танкиста, в сердцах хотел сказать еще что-то, важное, искреннее, но не нашелся, наощупь, подсвеченный только звездами, побрел к реке, на свою позицию.

– Матвей, парень, отдал бы мне свой автомат? – без надежды предложил Савельев, перегружая в котомочку пацаненка тушенку с гречневой кашей, пачку печенья, крошечную банку джема и хрустящую старостью, выдавшую виду пластиковую бутылку с водой, – Сам посуди, тебе сестренку

надо сбегать. А огонь откроешь – фашисты вас и положат на месте. Так еще, может, не побьют, либо убежите. С автоматом-то, – Савельев тихонько усмехнулся, легонько щелкнул паренька по замерзшему носу, – С «калашом» – точно не отступишь, а? Вот я и говорю...

– Не отдам, и не проси, дядя Жора, – вздохнул Матвей, на всякий случай перекинув оружие на худую спину, – А стрелять не стану первый, точно. Только если сами наскочут. Чего я, глупой, што ли?

– Ты вот что, Мотья, – увещевал Савельев, озабоченно, уже наспех маскируя ивовыми прутьями и колтунами сухой травы лаз в их земляную нору на обратном склоне овражной бурой трещины, – Твое главное дело – сестру до наших доставить. Не вздумай проверять – как, мол, там бой идет? Только стихнет, а лучше – к сумеркам завтрашним, если никто из нас не явится – двигай прямо туда! – махнул рукой на восток, в скованные предутренним заморозком поля, – Это твоя боевая задача и мой приказ. Понял ли?

– Ясно, – сморкался в озябшую ладонь мальчик, вытирал пятерню колючим сеном, – Дядя Жора, а какое у тебя звание? Раз ты всеми командуешь. Секрет если – не говори. Ты десантник, да? Или спецназовец?

– Я-то? – Савельев хмыкнул было, хотел отшутиться, на мгновение задумался, пристроил поудобнее в детском блиндажке свое ноющее, замерзшее тело, – Да не, Мотя. Я – бродяга, человек, который ходит по земле, встречает людей раз-

ных, запоминает все вокруг... А потом – следующим встречным – рассказывает сказки. Про тех, кого видал раньше, какая жизнь бывает, и сколько вокруг хорошего и интересно-го...

– А про меня? – мальчик вылез из норы ближе к выходу, хотел заглянуть Савельеву в глаза, искал в темноте его руку маленькими ледяными пальцами, – Про меня – что расскажешь?

– Ну, если придется – расскажу про твое смелое сердце, как охранял маму и сестренку, как терпел невзгоды и горе свое не показывал, как не боялся и наравне с солдатами защищал Родину. Только, наверное, завтра будет твоя очередь становиться рассказчиком, вместо меня. Я уж на этой земле слишком много выведал, пора в другое место собираться. Да что ты реवेशь, глупый парень? Брось это дело – сестра увидит, нехорошо. Мы ж с тобой – мужики...

Небо, светлея над густо заросшим пока еще лысой вербой левым берегом Донца, одновременно размокало, из ясного, проколотого миллионом ночных морозных игл, становилось влажным, ватным и теплым. Налетел ветер с отмякших полей, нагнал низкие пухлые тучи, из которых к семи утра сначала нехотя, потом обильнее, полил дождь. Был он уже не такой зябкий, как пару дней назад, скорее, настоящий, весенний, смывающий случайные снежные комки на северных скатах оврагов, под непролазными елями, напол-

няющий чернозем благодатной влагой.

Савельев с сожалением думал, что липа, на которой он угнезвился на нижней, хоть и удобной, но весьма открытой развилке, еще совершенно голая, бесстыжим образом узловатые ветки лишены нарядной листвы и торчит на всеобщее обозрение бугристый, толстокожий ствол с прилепившимся человеком в драной маскировочной накидке. Одно хорошо – до переправы метров триста, разглядят они оттуда его на дереве только после первого выстрела. По счастливой дождливой погоде поднять дрон врагам не удалось, поэтому на правом берегу сначала появился ползучий наблюдатель, отсверкивая стеклышками бинокля, потом, так и не раскрывшие самую близкую к воде позицию Мызы и Кости-СОБРа, потихоньку, перебежками, приблизились пехотинцы.

Переходить мост они медлили, спустя какое-то время стало ясно – ждали штаб вместе с расчетом ПТУРа. Савельев в свой монокуляр – хороший, дареный гуманитарщиками с Москвы – отлично разглядел командиров: высокого, в бежевом камуфляже, с польским красно-белым флажком на рукаве, с приделанными к плоскому шлему наушниками и азовца с волчьим шевроном СС в украинской «цифре». Вот странная ситуация – потомок сожженных в Освенциме панов помогает последователю их палачей форсировать реку, чтобы эффективно и правильно выжигать славянский люд на славянских же землях? И следом за командирами бережно несут солдаты новый, не то, что раньше, фаустпатрон, теперь

«Джавелин», разворачивают позицию, ждут русского танка. И у них расчет тоже – смешанный, инструктор с польским знаком, и двое – азовцы, один стажер, другой, видно стрелок. Этакая дичь.

Мыза, конечно, их тоже видит. У него ВОГ в подствольнике готов, ждет выстрела Георгия, чтобы кинуть гранатку ПТУРщикам в подарок. Ну, пока погодить надо. Пусть командуют пехоте форсировать реку, чтоб отрезать их на этом, нашем берегу.

Дальше, с опушки, за рекой, вдруг появилось сизое дымное дизельное облачко, приближалось, колыхаясь струйками над голыми кронами верб, наполнялся сырой воздух стуком двигателей и мясорубочным цоканьем трансмиссий. Со стороны Каменки к берегу, где черными внутренностями запятнала подъезды к воде вчера днем взорванная нацистская бронемашина, выкатился ее собрат, тоже БМП 2, этот в полосатом камуфляже, следом, тяжело прожимая грунт, появился танк с навесным минным тралом, густо укрытый вплетенными в маскировочную сетку хвойными зелеными ветками.

В глубине души Савельев надеялся, что тяжелой техники тут не будет, поэтому, когда после короткой паузы с переговорами высунувшегося танкиста со своим польско-бандеровским руководством, танк заревел дизелем и двинулся на понтоны, Георгий тоскливо подумал, что план, казавшийся еще сегодня ночью неплохим – на самом деле не слишком удачный. Вряд ли капитан остановит танк со своими навы-

ками стрельбы из «Метиса». А паршивая БМП на понтон не торопится, ждет, когда завешанный ветками монстр вылезет на другой берег. Следом за танком, пригибаясь, по чуть при-топленной переправе, по колено в воде двинулись пехотинцы, прячась за стальной тушей.

Наши ждут сигнала. Начало боя – выстрел снайпера, его, Савельева, которому убивать никого и никогда не хотелось совсем, потому что – вправе ли отнимать то, что дать не в силах? Давеча тоже вспоминал об этом тезисе, глупом, поповском, раскисшем от измочаленности, поэтому вчера стрелял нацистскому десантнику в бронезилет, в грудную пластину, давал шанс, хотя было близко – мог бы уверенно, между ключиц в шею, или в лицо – чтоб наповал. Вышло еще хуже – вместо быстрой смерти получил человек гибель в адском пламени фугасного танкового выстрела.

– Прости меня, господи... Милосерден буду, как велено. В локоть ему, чтоб только заорал. Начали, ребята...

Пуля, однако, попала торчащему в люке танкисту по лежащей на крышке кисти, разметала ее в ошметки и срикошетила в подбородок, лишив половины головы. Лукавые, обманные мысли – не хотел я, чужой промысел.

Обдираясь о шершавый ствол, Савельев сиганул с дерева вниз, тут же услышал выстрел «Метиса» выше и далеко от переправы, хлопок Мызиного подствольника и заливистые автоматные разноголосые очереди. Бой начался. Перехватив половчее длинное весло СВД, Георгий помчался вперед, к

реке, забирая чуть ниже по течению, на облюбованный с вечера плоский бугорок, бежал, прося у неба – только бы не сломать на кочках лодыжку, добраться до позиции, успеть, пока живы ребята в заслоне.

Утренний птичий пересвист, беспечный, выводящий трели на все лады, сменивший задумчивую ночную, первую мартовскую, соловьиную песню, безжалостно оборвал бой железным стрекотаньем пуль, разрывами гранатометных выстрелов, воплями, лязгом гусениц, надежно прикрыл это все сверху черной куделью дыма.

После первого своего пуска, отчаянно вращая маховики прицела, поправляя летящую по спирали ракету в задний скат башни танка, взбирающегося на наш уже, левый, берег, Зорин было радостно чуть не выпрыгнул из укрытия, заорал в общем шуме, срывая голос:

– Есть!! Получай, суки!..

Своенравная ракета, однако, вильнула к выхлопным трубам, к щиту МТО, и вместо затылка башни врезалась с визжанием в задний гусеничный каток, лишив модернизированный, усиленный навесной броней и камуфляжем, Т-64 левой гусеницы, блестящей змеей сдернутой вперед, пока мехвод не застопорил ход. Танк чуть повернуло влево, и теперь он встал на подъеме, пересекши уже переправу, подставив левый борт Зорину.

Проклиная свою криворукость и прихотливую ракету, Виктор совершенно забыл про семенящую за танком пехо-

ту, теперь, еле заметную на расстоянии почти полкилометра, но начавшую активно поливать с автоматов прячущее его позицию упавшее дерево и красные вербьяные кусты. Что-то долетало, в основном сыпали ниже, поднимали чавкающие всплески береговой болотины. Замена пускового контейнера далась Виктору на удивление легко – он спокойно взгромоздил пятнадцать килограммов смерти на треногу, не обращая внимания на пересвист свинцовых градин.

Уже прикинув к прицелу, наводясь на спасающийся дымзавесой обездвиженный бандеровский танк, Зорин видел – из своей засады обкидал азовских десантников с подствольника Мыза, оттуда же сыпал короткими очередями, наверное, ярославский бизнесмен Костя, рассеивал пятистые фигурки по прибрежным кустам, подсоблял обнаруженному своему командиру.

– Парни, дайте выстрелить, разок еще!! Кройте их, навожусь! Минута...

Танк, подбитый на подъеме, прятался, отстреляв вокруг гранатки дыма, экипаж, видно, опытный, чинить гусеницу не спешил, степенно поворачивал башню назад, хотел нашарить у себя за левым плечом подлого ракетчика.

Спиральный след первого выстрела, однако, выдал Зорина. С правого берега по команде наблюдателей выкатилась на понтон, опасливо пробуя подтопленный мост, БМП, башня, уже повернута к поваленному дереву на другом берегу, и издалека – с километра, плотно, вперемишку с различимы-

ми еще хмурым утром трассерами, в щепки и грязь пошла рубить из автоматической 30-миллиметровой пушки кусты, корни, и черную, жирную землю. Виктора будто хватанул кто-то за ногу у колена, дернул его, ползущего, в сторону, да и отпустил резко, бросил, покотившегося кувырком капитана в сторону от ракетного станка.

Он остался лежать на спине, в задранном на щеки бушлате с внезапно промокшим кровью, ставшим тяжелым подолом, раскинув безвольные руки, желая только поднять их к лицу, заслониться от тяжеленных водяных капель, отвесно падающих ему в раскрытые глаза. Над дождевой стеной, под пасмурными облаками, металась одинокая черная птица, искала разрыва в тучах, за которым всегда сияет солнце. Зорин держал уходящее сознание, приклеившись взглядом к этой отчаянной птице, крайним усилием ватных рук рвал из брюк расстегнутый ремень, перевалиясь на левый бок, неловко, не глядя на черную гляцевую мясную культу, кое-где облепленную землей, со свистящими фонтанчиками алого кровяного сока, затягивал бедро брезентовой удавкой.

Оливковая тренога «Метиса» стоит, как ни в чем не бывало. Не попал по ней блядский БМП. Ракета установлена, осталось навестись и – дело сделано. Убившему его стрелку с фашистской машины уже не отомстить, но танк добить – еще можно. Вот только надо вытряхнуть из левой перчатки шприц-тюбик промедола, ширнуть в ногу, и доделать дело. Вдалеке вроде бы раздался свист – неужто едет наша ке-

росинка и ведет ее молчаливый и строгий, нечаянно обиженный, твердоглазый танкист Миша? Погоди, земляк, рано еще!! Выкатишься к переправе и сожжет тебя обездвиженный, но вполне еще опасный бандеровский танк, застрявший носом кверху, влупит твоему, не видящему его за скатом берега, Т-80 в упор в нижний лист брони подкалиберную занозу – и нет больше заблудившегося геройского экипажа.

Савельев увидел, перебегая к берегу, бухнувшись на колени на бугорке, как измолотила позицию капитана из-за реки БМП, а подбитый в гусеницу вражеский танк, будто успокоившись, залязгал внутри своей дымовой завесы люками, там готовились чинить гусеницу, и остатки прикрывающей пехоты загомонили за бугром, у речки, совещались о чем-то торопливо. Мыза и Константин затихли внизу, у самого берега, переползали в кустах, меняя позицию. Вот и повоевали – остался последний козырь. Пока нацисты занялись ремонтом – надо добить танк, чтоб не напрасно погиб здоровяк-капитан, брошенный на своей ракетной позиции один на один с гадами.

– Коробка, вперед!! – прошипел Савельев в рацию, – Как слышно? Вперед, аккуратно, под бугром танк, за рекой бронемашина. Капитан наш – все...

– Понял, иду, – невозмутимо отозвался сержант и почти сразу до Савельева донесся свист Т-80, приближающийся, летящий окрест, отражаясь от оврагов, уносящийся ввысь.

Георгий ясно понимал, что бежать вперед, высматривая

обстановку и свои стрелковые цели в дыму нет резона, штабные на другом берегу уже в укрытии, а БМП только ждет – кого еще тут можно накрыть из своей изящной пушчонки, благо рвать человеческое тело ей запросто.

– Да здесь все равно не останусь, – шипел про себя, попластунски подбираясь к берегу, Савельев, – Этак бы и капитану надо было – первую ракету стрельнул, да бежать к чертовой матери, а он перезарядку затеял ...

– Ну, помчались, братья, умирать! – весело и зло крикнул Михаил в шлемофон, ткнул локтем Рому-наводчика, сам приник к визору, вцепившись в рукоятки, ощущая, как зубы слегка прикусили щеку, когда толстый Серега рванул с места, разгоняя сорокапятитонную стальную машину. Самолетный ультразвук турбины рвался и через наушники, в триплексах хобот орудия тилипается на ходу, кажется, будто гибкое ольховое черное деревце, в комле которого дремлет бронебойный снаряд. Как сказал Жора? Танк и БМП там. С «Метиса» был один выстрел, значит, капитана больше нет. Плохо это? Кому? Или кара ему такая? Тьфу, запаadlo как. Сейчас, отомстим за землю. Даст бог, живой он еще, поеду, подберу.

– Перебегай, братишка, назад и влево-о-оо!! – орал, переползая, Мыза, руками тыкал Константину, за его спину, дальше, за речную излучину. ВОГи у Мызы кончились, патроны берег и СОБРовцу кричал – кончай лупить, как в ко-

печку, патронов – мало!!

– Н-не-ее!! – мотал в грязи подбородком чумазого с блестящими дикими синими глазами лица, Константин, – ПТУР молчит. Где вторая ракета?! Капитана моего уделали... Я – к нему! Прикрой, братка...

– Да ты што, дура-а-ак! – Мыза перекатился, тянул его за скользкий глиняный каблук берца назад, в чахлые заросли, потому что уже виден чужой, вставший на подъеме танк, и очухавшаяся пехота прикрытия, вроде бы разглядела их обильно изгвазданную в грязи пару, – Не доберешься до него, дале-ее-ко... Наверяд ли живой... Стой, кому говорю!..

Отвечая Мызе, в дальних, почти совсем срезанных кустах, над болотистым берегом, перекрывая гомон чужих солдат неподалеку и редкие автоматные очереди из-за реки, хлопнуло пустым погремушечным «пымм-мм» и последняя ракета из «Метиса», подброшенная зарядом, рванула к нацистскому танку, раскручиваясь на спиральной седой струе дыма.

Вихревой полет оперенной смерти наблюдал, наверное, экипаж застрявшего танка, пехота, бродившая вокруг своей машины в тумане дымзавесы, штаб группы и команда не до конца расправившейся с ракетчиком-капитаном азовской БМП с противоположного берега.

Зорину, сознание которого после промедола совершенно прояснилось, и голова будто остекленела, показалось, что ракета летит не быстрее брошенной палки, и что танк успеет

починить гусеницу и уехать с места, и тогда – все напрасно... Когда же огненная шпага прожгла бортовой экран танка вместе с полыхнувшей камуфляжной сеткой и распустилась оранжевым вытянутым бутонем над подброшенными вверх крышками башенных люков и над речным руслом раскатился грохот взрыва – Виктор облегченно вздохнул и помахал рукой едва видимой на том берегу желтой в разводах азовской БМП, передавая свой последний привет. Он откатился в сторону от станины ПТУРа с пустым тубусом, немного прополз на локтях к реке, чтоб не видеть свою оторванную ногу с вывернутой стопой в блестящем влагой ботинке, валяющуюся неподалеку в раскисшей борозде, лег на спину, глядел в серое небо, искал ту самую птицу, которая своим настырным полетом к зениту заставила его немного еще пожить.

Т-80 с белой буквой выскочил на речной берег из-за бугра на полном газу, без остановки выстрелил на ходу через реку по чужой бронемашине, снаряд умчался с перелетом в затрещавший лесной бурелом, БМП, не рассчитывая удержаться натиск танка, пошла на скорости на разворот, подставляя борта и корму, стремясь нырнуть за опушку перелеска, в разные стороны с берега рассыпаясь, побежали солдаты.

– Коробка!! Мишаня, «Джавелин» там, назад!! – орал в рацию Савельев, выбежав уже вместе с Мызой и Константином к реке, мимо горящего вражеского танка, мимо вопящих чужих раненых, но наши танкисты будто не слышали –

прибавив оборотов воющей турбине, с разгону мчались по понтонам через реку, поднимая вихри коричневой стылой воды. Остановить летящий вперед в атакующем порыве экипаж было уже нельзя, танкисты поливали из курсового пулемета замешкавшихся азовцев, у самого леса настигли БМП и ударом многотонного тела своего танка свалили в обрывистый овраг, так, что плоская башенка ушла в жижу, подмяв ажурную хищную пушку.

Савельева обогнал СОБРовец Костя с открытым ртом, короткими очередями, нелепо, из-под мышки поливающий кусты на том берегу, бухал ногами по воде, поднимая веера брызг, следом хрипящий Мыза бежал, разъезжаясь на мокром понтоне ногами, аккуратно добавлял пуль в шевелящиеся колтуны ивы. Георгий помедлил на своем, высоком берегу, выбравшись из клубов чадного дыма, на пригорке уселся на задницу, пристроив цевье винтовки в сгибе локтя, торопясь, искал в оптику вражых ПТУРщиков. Они там, ждут Аронова, ждут наш геройский свистящий танк, у них граммофонная труба «Джавелина» и один шанс. Но им просто – выстрелил и забыл, не то, что давеча Зорину – сопровождать ракету «Метиса» до самой цели, глядя в заляпанный визир, подкручивая маховики наводки. А может, не успели нациков еще научить паны и пендосы, и они не смогут нажать нужную кнопку, сбегут, и поживет еще наш экипаж?

Ничего подобного, успели обучить, и никуда не сбежали – недаром на шевронах у них свастика, им назад нельзя, СС

ведь тоже в плен не особо сдавались. Далеко, однако, убежали – метров сто от переправы, вверх по течению, копошатся, но одному пришлось встать – труба ракетомета на плече, примеряется в борт разделавшемуся с БМП русскому танку.

Опять, скажешь, мое сердце, нельзя мне этого? Молод он, или стар, наемник или селянин, на своей земле стоящий и метящийся во вражий ему танк, есть ли разница? Никогда не наступит эра милосердия, обманывал старик-еврей Жеглова в коммунальной квартире. После той адской бойни Второй мировой все оружие мира надлежало перековать на могильные кресты про запас и сложить из них монумент для напоминания потомкам, однако – нет... Люди станут убивать себе подобных, насколько им хватит сил. Ну, и ты человек, Георгий, стало быть – стреляй в гранатометчика, он хочет испепелить твоих друзей. Савельев выцелил оператора подмышку, на выдохе, не затягивая, плавно выбрал спуск, зная, что попал еще до того, как увидел неловко упавшего набок солдата с громоздкой ракетной трубой.

Понтоны потихоньку всплывали обратно, подтопленные весом танка, который разобравшись с противниками, на миг остановился в низине на правом берегу, в командирском люке показалась фигурка в ушастом шлемофоне, махала рукой бегущему через реку Георгию. Мыза и Костя уже были рядом с остывающей многотонной братской «восьмидесяткой», там, где недавно еще кучковались для атаки фашисты, теперь рассеянные, раненые, уничтоженные. В рацию шипе-

ло, сержант Миша вызывал Савельева:

– Жора, прием... Остановись, прикрой с нашего берега. Я ребят на броню посажу, прокатимся до дороги, где вчера СОБРа колонну они размолотили, поглядим, далеко ли убежали гады. Полчаса займет, край...

– Понял, – Савельев остановился на мосту посреди реки, с трудом переводя дух в гудящей груди, – В бой не вступайте! Приказ...

Он потихоньку вернулся назад, поднялся на взгорок, обернулся, чтобы как раз успеть заметить – Т-80 взбирается на холмик, переваливает бугор с поворотом, уходя на шоссе, на запад. На секунду крошечные фигурки на броне подняли в приветствии руки, помахали ему и исчезли на фоне серого горизонта, будто никогда их в этом мире и не было.

К обеду день надумал погаснуть. Савельев только успел добраться до уничтоженной позиции капитана, прикрыл ветками его уже коченеющее тело, как тучи совершенно затянули сырое небо, прогнали прочь всякую робкую надежду и разродились совершенно настоящим, стылым ливнем. Чтобы Георгию не казалось, что это вот – в дополнение к мертвому Зорину со строгим грязным лицом – и все гадости на сегодня, ожила рация и спокойным голосом сержанта-танкиста Михаила сообщила:

– Командир, прием... На трассе вижу колонну техники. Идут к переправе. Коробок наблюдаю пять, транспорт, БМП. Остаюсь в лесополосе, прикрою отход... Как понял, прием?

Задержу недолго, уводи детей, командир. Пацаны остались со мной. Ответ...

– Двигаюсь к вам, понял!

Савельев в который раз припустил мелкой рысью по раскисшему берегу, между делом слушая нарастающий грохот своего сердца изнутри в ребра, рация снова настойчиво шипела, теперь прерывающимся Мызиным сипом:

– Жора, Жора-а-а, прием, братик... Ты детей уведи, беги-те, ну-у-у?... Ради моих, ради ихней мамки. Успее-е-ем ищо с тобой гадов пострелять, уходи, лады? Прием, старый... Ну-у-у, договорились!..

Бой разгорелся за лесом, на трассе на правом берегу Северского Донца, рос, ширился разрывами, еле слышными пулеметными трелями, там, за голыми березовыми вершинами, разматываясь, поднимался черный дым. Кто-то уже горел, но бахали танковые орудия вразнобой и на все лады, значит, еще сражается заблудившийся танк 47-й дивизии ...

Проснувшись, устав ждать победы от бестолковых машин и пехоты, заворчали недовольные гаубицы, выдохнули шуршащим дыханием, харкнули свистящими на излете из глубины дождевых туч фугасами по обновленным координатам. Разрывы подняли оба берега на дыбы, земляные вулканы вырастали неумолимо ползущей вперед полосой сплошного ада, лупили комьями по спине и затылку бегущего к привязанным уже близко с подступающей смертью, пленным азовцам, Савельева. Все бы ничего, но откуда-то вступила в ис-

требительную музыкальную партию батареи «Градов», по-славшая визжащий первый залп прямо в обнажившую илистое дно, изумленную, выплеснутую на берега реку. Пощады больше не будет. Надоела фашистам эта комедия – накрывают ракетами, чтоб места живого тут не осталось.

Савельев заметил березку, где с ночи привязал пленных азовцев, свернул к ним, припоминая, что до норки детей, вырытой в склоне оврага, еще километр ходу.

– Федор, давай руки, освобожу! Ну, быстрее, накрывают, видишь, ракетами лупят. И ты, малой, давай живо! Побежите вперед меня, без глупостей только. Выведу вас из-под огня!

Георгий, стоя на промокших коленях рядом с втянувшим голову в плечи пожилым, тянулся к его связанным кистям, запоздало замечая в выцветших глазах с красными веками сожаление, понимая, что руки пленного только для виду обмотаны уже размочаленными веревками. Адский огневой вал продолжал размалывать пропитанную ливнем, готовую к уничтожению реальность, но Савельеву казалось, что полет снарядов на секунду замер, болванки остановили вращение и повисли в воздухе, мир затих, превращаясь в последний черно-белый фотоснимок. Узкое лезвие кинжала он почувствовал, когда игольный кончик, пройдя насквозь почку и диафрагму, продырявил легкое, на обратном пути выпуская воздух из грудной клетки под замызганное термобелье.

– Для чего, Кирило? – шурясь, спросил пожилой, прини-

мая на расставленные руки оседающего Савельева, – Бег бы так...

– Вин ворог, дядько, – крикнул в ответ молодой азовец, пружинисто вскакивая на ноги, и убирая тонкое лезвие во вшитые в брючину ножны. Он подхватил винтовку Савельева, пригибаясь, побежал к реке, с полдороги остановился, гаркнул: – Ти йдешь, старий?! Кинь орка, нехай подыхае, – не дожидаясь ответа, махнул рукой, исчез за крутой береговой насыпью.

Симфония преисподней достигала апогея, гаубичные залпы стали непрерывными, добавляли глубины и баса, но основную партию вели реактивные ракеты «Градов», выворачивающие тонкую материю бытия наизнанку, грубо, так что она трещала по швам. Старый азовец бережно подтянул Савельева под мышки повыше, пристроил рядом с собой спиной к стволу березы, аккуратно стирал ему рукавом кровавую пену с сухого, в черной щетине, приоткрытого рта. Савельеву становилось все труднее дышать, каждая новая порция влажного, весеннего воздуха с новой силой разрывала грудь, подпирала колотящееся, толчками выдавливающее кровь ему в рот сердце. Он пытался сказать Федору про детей, укрытых в овраге неподалеку, про наступающую колонну его соотечественников, запутанных чужими свастиками, просить его, чтоб увел этих малышей подальше и спрятал – ради милосердия, ради жизни, но слова не шли, лишь бились в голове бабочками, быстро теряющими силу.

– Ну, ты полежи, хлопец, отдохни маленько, – уговаривал его, закрывая лицо от летящих комочков поднятой взрывами земли, старик-азовец, – Куды нам с тобой ныне спешить? На-ко вот, смочи губы, вода с неба льет, – и он поил Георгия со своей заскорузлой, сложенной лодочкой, ладони дождевыми невесомыми каплями.

Внезапно, канонада оборвалась, рассыпавшись умолкающими, скачущими по полу изорванными бусами, будто стертая с просветлевшего неба парой стремительных птиц, павших сверху из-за облаков, с нарастающим свистом промчавшихся туда, куда ушел в последний заслон танк с буквой «зет», вместе с командиром Михаилом, толстым застенчивым мехводом Серегой, обстоятельным наводчиком Романом, ушел, увозя на броне веселого СОБРа Костю и изуродованного ненавистью слесаря с Луганщины Николая с позывным Мыза.

Савельев отчетливо вдруг понял, что он снова юн, он в доме своего детства, живы его родные, живы эти пацаны, ушедшие недавно в безнадежный бой, и даже капитан, укрытый им ветками на речном берегу неподалеку, тоже жив и не искалечен. Сквозь прикрытые веки ему чудилось, что через тучи пробилось солнце, теперь сияет ярко, и в небе, не умолкая, свистят стрижи, несутся быстрее ветра и где-то далеко звучат торжественные радостные трубы. Ему хотелось сказать это хотя бы старому Федору, баюкающему его на руках, но губы не говорили – только чуть шевелились, синяя, при-

поднимая углы последней улыбкой.

– То не птицы, паря, – закрывая Савельеву глаза, щурился на проясневшее небо Федор, – То ангелы тебе явились, точно дело. Ну, спи, устал видать. А по мне – так тьма накрывает нас всех. Саранчу несет из Преисподней, и не будет тут ни правых, ни виноватых – все сгинут. Одна надежда – помилует нас Боженька, да и спасет. Вон ведь – небо-то – светится...

Солнце, действительно, сияло невероятно ярко мартовским славянским полднем. Штурмовики сделали круг над рассеянной колонной наступавшей с запада техники, прошли низко над дымами горящего железа, взмыли вверх, освобождая воздух плывущей позади гудящей вертолетной туче, следом за которой по земле полз металлический безжалостный змей.